

ГЛАВА I

САМАЯ ВАЖНАЯ МЕЧТА

Иверийская корона сверкнула золотом, высоко подпрыгнула и покатила по истёртой поверхности блестящей монетой. Я накрыла монету ладонью, без труда предугадав намеченный путь символа Квертинда. Сейчас этот символ явно намеревался свалиться с края стола.

Тяжёлый лирн приятно охладил ладонь, и я попробовала металлический кружкаш на зуб. Сомнений в том, что ломбардиец меня не обманет, у меня не было, но хотелось лишний раз продемонстрировать старику своё недоверие. Селован Минестл в ответ осуждающе фыркнул, чем вызвал мой самодовольный оскал.

— Фарфоровая статуэтка из Иверийского замка времён Мелиры, — буркнул он, доставая из-под стола тугой свёрток. — Нужно доставить госпоже Томсон. Полученные лирны отнесёшь в оружейную на Тифоньем бульваре, Помпозу Норму.

Я спрятала монету в карман, бережно обняла посылку и стрелой вылетела за дверь. Находиться в ломбарде мне не нравилось. Бородатый Минестл топил камин даже летом, поэтому в захлащённой комнате стояла невыносимая жара. Ещё сильнее обстановку накаляла наша взаимная неприязнь с казначеем Ордена Крона, которая по мере знакомства только усиливалась, вопреки обещаниям Шенгу лин де Сторна. Впрочем, я уже знала, чего стоит — вернее, насколько ничего не стоит, — слово этого господина, и больше не собиралась ему доверять. Если бывшему генералу вообще удалось выжить.

После душной комнатухи городская прохлада оказалась спасением. Тучи сковали небо, и последний день лета прыснул в лицо мелким дождиком. Мой светло-зелёный жилет моментально покрылся тёмными крапинками. От нагретой за день мостовой поднялся пар с запахом пыли и мокрого камня, и я торопливо зашагала вдоль улицы, вдыхая аромат летнего Кроуница. Совсем скоро дикий гранит покроется изморозью и одеялом тумана, но пока между серыми стенами ещё сохранились последние остатки тепла, и я наслаждалась ими.

В самом начале каникул господин Минестл самолично явился в академию, распугивая яростным кряхтением разленившихся рудвиков, и предложил мне работу. Я догадывалась, от кого ворчливый казначей Ордена Крона получил распоряжение обеспечить меня заработком, но напрямую спрашивать не стала. Не стала и отказываться: предложение было весьма кстати, учитывая моё финансовое положение на тот момент.

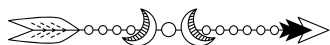
Уезжать из Кроуница мне не хотелось, поэтому каникулы я провела, петляя по запутанным улочкам в поисках состоятельных адресатов, которым надлежало вручить очередную партию барахла из ломбарда.

Работа оказалась, прямо сказать, не то чтобы почётная, зато простая и доступная. А главное — хорошо оплачиваемая. Обычно в Квертинде доставкой пакетов занимались рудвики, но ломбардиец пушистой расе не доверял, вполне резонно опасаясь за сохранность своих сокровищ. Мне Селован Минестл доверял ещё меньше, однако я никогда и ничего не ломала и не теряла, и это выгодно отличало меня от лулукающих ушастиков.

За лето я неплохо изучила Кроуниц и теперь ориентировалась в нём не хуже, чем Каас. Жизнь города пульсировала в сотнях узких серых проулков, просачивалась сквозь дыры в полуразрушенных заборах, стучала дверьми сквозных лавочек, плевалась биением питьевых фонтанчиков и замирала в глухих подворотнях. Солёные морские ветра раскачивали фонари, вывески скрипели от холодного дыхания сквозняков, а колодцы нищих дворов хранили память о славном прошлом некогда легендарного веллапольского города.

Городские улицы стали мне родными, и я уверенно топтала брусчатку центра Галиофских утёсов, зная почти каждую трещи-

ну мостовой под своими ногами. Иногда я добиралась до нужного места по пологим крышам, что порой касались друг друга козырьками. Это было даже проще, чем петлять по проулкам: прохожие не путались под ногами, а вид открывался превосходный. Казалось, что с крыши можно легко дотянуться до вечно тусклого неба, которое даже летом редко радовало солнечной погодой.

Порой я задерживалась на каком-нибудь карнизе, разглядывая копошащихся внизу горожан, проживая чужую жизнь вместе с хлопотами случайного обывателя или ротозея-путешественника. Иногда — доставала кинжал, чтобы он поймал лезвием летний блик, полюбовался вместе со мной на сегодняшнего незнакомца и одобрил мой выбор.

Да, я много вспоминала о Каасе. И он всегда был со мной.

У сувенирной лавочки сегодня столпилась целая очередь из хмурых, как и сам город, коренных жителей — квартинды спешили купить свечи к ночи Красной Луны, что традиционно служила началом года и осени в нашем королевстве. Я насмешливо хмыкнула, потому как позаботилась о покупке заранее, припрятав пару свечей из ароматного медового воска.

Деньги у меня теперь водились, и по широкой мостовой вышагивали новые сапоги из бычьей кожи. Отличные, крепкие, на толстой подошве, с частой шнуровкой почти до колена. От такой обновки настроение моё было радостным, и я, насвистывая под нос знакомую мелодию, свернула в нужном мне направлении.

Хагридовая улица, на которой жила Эрика Томсон, располагалась ближе всего к академии, на самой окраине Кроуница. Это был тихий приличный район с опрятными домиками, трубами центральной канализации и цветами на подоконниках. Ветер здесь гулял особенно сильный, подгоняя пухлых рудвиков, спешащих по своим очень важным поручениям. Наверняка подобным моему.

Я вошла под широкую каменную арку, быстро оглядела тихий дворик, юркнула к нужной двери и постучала.

В глаза немедленно бросилась нить алых ягод, похожих на крохотные Красные Луны. Рябиновые бусы, призванные принести в дом благословение семи богов Квартинда, не только болтались на дверной ручке, но и обвивали круглобокий фонарь

над входом, напоминающий переспелую тыкву. Должно быть, Эрика Томсон нуждалась в богах больше остальных. И уж точно больше, чем я.

Фонарь премемерзко скрипел, почти как старик Минестл, возмущённый праздничным украшением и рваными порывами морского ветра.

Дверь открылась, и я натянула улыбку.

— Доброго дня, Юна, — женщина приняла у меня из рук посылку прямо через порог. — Проходи. Я сейчас.

Невысокая госпожа Томсон с тонкими бровями и редющими волосами нырнула в тепло домика. Я последовала за ней, прикрыв за собой дверь.

В тёмных, уложенных в высокую причёску, прядях знатной леди уже виднелась седина. Несмотря на это, Эрика Томсон держалась достойно и выглядела довольно молодо. Возраст на узком лице выдавала лишь мелкая сетка морщин вокруг глаз. Из-за огромного, непропорционально широкого рта она слегка напоминала мне жабу, но подчёркнутая аккуратность и прекрасно подобранные драгоценности всё же позволяли назвать госпожу Томсон если не красивой, то по меньшей мере изящной.

На шее женщины проступало изображение розовой горлицы, выдавая в ней ментора, а это и подавно вызывало у меня уважение к знатной леди. Я никогда не спрашивала, почему госпожа Томсон не живёт в академии, но догадка у меня была: зачастую дети аристократов стыдились присмотра своих менторов. А мейлор розовой горлицы — и подавно.

Хозяйка взмахнула полами шёлкового халата и вспорхнула по лестнице, изящно перебирая ножками в мягких домашних туфлях. Я же осталась топтаться на пороге.

В последнее время мне доводилось бывать тут слишком часто: дом Эрики Томсон почти превратился в ломбард или скорее музей. Старинные предметы искусства аристократка коллекционировала с немалым рвением и любила их не меньше, чем воины — именное оружие. Стены были увешаны гобеленами и картинами в самых разных стилях, специальные полки служили витринами для статуэток, сувениров и расписной посуды. На дальней стене висели маски веллапольских демонов — грозные и злые, словно ожившие легенды древнего княжества.

За несколько визитов я успела не только тщательно рассмотреть сокровищницу любительницы диковинок, но и пополнить их ряды доставками из ломбарда. Полюбоваться здесь действительно было на что. Но сейчас все сокровища хозяйки затмевал молодой парень, что казался не меньшим произведением магии Нарцины, чем окружающие его предметы.

Высокий длинноволосый блондин с тренированным жилистым телом развалился на широкой кушетке. Почти раздетый: на нём были только свободные летние брюки и тиаль с пылающим внутри мечом. И парный знак соединения, конечно, который невозможно стереть или замаскировать иллюзией, — едва заметная летящая птица.

— Привет, Виттор, — бесцветно поздоровалась я, переступая с ноги на ногу.

Оуренский не ответил и отвернулся к окну, покручивая в руках уменьшенную копию боевого галеона. Собственная нагота его совершенно не смущала, но я всё же стыдливо отвела глаза. Даже помимо его обнажённого торса поводов для неловкости было множество.

Конечно, красавец-аристократ, лучший ученик факультета Омена, что в прошлом году приглашал меня на свидание в бестиатриуме, теперь полностью игнорировал моё существование. Дружба с сорокиной дочерью не шла на пользу его репутации. К тому же мне показалось, что прямо сейчас он ещё сильнее не рад встрече, чем обычно, — Виттор выглядел взлохмаченным и нервным. Положение разносчика пакетов довершало моё унижение, но с этим стыдом я справилась быстро: любой труд лучше ленивого безделья. Я, в отличие от других, не клянчила деньги у своего ментора.

— Смотри, Виттор, какая прелесть! — показала на лестнице госпожа Томсон, прерывая напряжённое молчание и осторожно потряхивая статуэткой. — Волшебная, тончайшая работа древнего мага Нарцины! Возможно, она даже стояла в королевской спальне. Я давно охотилась за ней, в описях имущества Иверийского замка она фигурирует как «Вальс в темноте». Какая интересная мысль заключена в этом образе! Иверийцы часто устраивали такое увеселение на своих балах. Жаль, что эти времена давно миновали.

Я поёжилась от упоминания о прошлой династии, но к фигурке всё же присмотрелась. Статуэтка из баторского фарфора выглядела как самая обычная вальсирующая пара. От студентов с занятий магистра Банфик эти двое танцоров отличались только завязанными глазами. На мой взгляд, ничего интересного в них не было, но Эрика Томсон нашла фигурку весьма волнующей. Глаза её возбуждённо горели, губы и щёки покраснелись, лишив женщину привычной бледности. Должно быть, сегодня она не стала накладывать пудру.

— Она видела, как сжигают Иверийских правителей, — рыкнул Виттор, даже не взглянув на статуэтку. — Избавься от этой мерзости!

— Но... — начала его ментор, застыв на последней ступеньке.

— Но?! — неожиданно выкрикнул Виттор. — Эрика, ты что, будешь хранить *это* в доме?!

Женщина смущённо оступила назад, брови её поехали вверх, собравшись домиком. Она явно чувствовала себя пристыженной и даже на миг захотела вернуть мне посылку, но всё же передумала и крепко прижала хрупких танцоров к груди.

Я же чуть не поперхнулась слюной от такого обращения с ментором. Потом попыталась представить, как я кричу на Джера, и немного развеселилась от этой картины.

— Виттор, — мягко проговорила госпожа Томсон, — эта вещь — такая же свидетельница смерти Иверийской династии, как и мы все. То, что она оказалась ближе нас к убийцам шестнадцать лет назад, не делает её мерзостью.

Госпожа Томсон тихонько подошла и протянула мне два тугих мешочка, набитых золотыми лирнами. Кажется, она даже попыталась мне улыбнуться, но тут же вернула своему виду прежнюю строгость, глянув на своего мейлора.

Я коснулась рукояти Кааса на бедре, убеждаясь, что мне будет чем защититься от случайных разбойников, если они вдруг вздумают меня ограбить. Виттор, проследив за моей рукой, немедленно вскочил на ноги, в два прыжка оказался рядом со своим ментором и рывком прижал её к себе, точно так же как она прижимала ту самую статуэтку со странным названием. Госпожа Томсон зарделась ещё сильнее и спрятала лицо на рельефной груди своего мейлора.

Мне немедленно захотелось последовать её примеру и скрыть ото всех лицо, потому что глаза мои наверняка стали похожи на отделанные лазуритом блюдца из местной коллекции. Даже не знаю, что меня больше удивило: то, что Виттор пытается защитить госпожу Томсон от меня, или то, что это объятие показалось мне чересчур интимным. Определённо, отношения Виттора с его ментором сильно отличались от тех, к каким привыкла я.

— Проваливай, — грубо прорычал Оуренский, сообразив, что я не собираюсь устраивать драку прямо здесь и сейчас.

Я поспешила убрать мешочки в разные карманы и спокойно поблагодарила леди Томсон, кинув осуждающий взгляд на Виттора. Не думал же он, что я буду нападать на незащищенную женщину в её собственном доме? По крайней мере, я постаралась придать взгляду осуждение, потому что на самом деле в нём было больше любопытства. Хотелось ещё раз взглянуть на странную пару, которая гораздо лучше подходила под описание «Вальс в темноте», чем статуэтка, которую я доставила госпоже Томсон. Неужели они не боялись осуждения? Может, именно поэтому Виттор спрятал своего ментора подальше от академии и любопытных глаз?

Какое-то странное чувство царапнуло злой кошкой, оцетинилось неприязнью к непривычной нежности. Буркнув что-то вежливое на прощание, я выбежала в тесный ухоженный дворик. И порадовалась наползающему туману, что служил отличным прикрытием для горожан.

— Господин Норм! — позвала я, пробираясь внутрь оружейной лавки. — Я принесла оплату от Селована Минестла!

Добралась до лавки я на удивление быстро, срезая путь через узкие проулки, из-за нависающих глухих арок больше похожие на замковые коридоры. Войдя внутрь, я сразу же вытащила оба звонких мешочка и бахнула на прилавок, за которым сейчас было пусто. Посетителей тоже не наблюдалось, и я, воспользовавшись своим внезапным одиночеством, с любопытством потрогала плотные брусочки из кроуницколя — редкого минерала с местных шахт. Красивый ряд продолговатых камней разме-

ром с мужскую ладонь начинался прозрачным, молочно-белым кирпичиком и заканчивался тёмно-зелёным. У прилавка обычно всегда собиралась толпа мужчин — все хотели приобрести себе такой камень для заточки клинков. Я тоже от такого бы не отказалась, но обычно к прилавку не подходила, решив пока ограничиться сапогами и подкопить сбережений. Сейчас же, пока оружейная пустовала, я смело поглаживала шершавые поверхности камней, пытаюсь на ощупь определить самый грубый.

— Господин Но-о-о-орм! — громко повторила я, мысленно представляя звук заточки клинка об кроуницюколь.

Оглянулась на увешанные оружием стены, что поблёскивали сталью в свете канделябров. На первый взгляд всё было на месте. Витрины и стойки тоже выглядели привычно, ошетилившись лезвиями мечей, топоров, глеф и кинжалов. Изнутри кольнуло лёгкое беспокойство, возвращая меня в лабиринты Кедровок. Я даже принялась испуганно озираться, но, к счастью, из каморки показался вполне живой и здоровый хозяин местного арсенала. Здоровый во всех смыслах слова: Помпоз Норм, владелец лавки, напоминал медведя — широкий, высокий, с огромными, больше похожими на лапы ручищами. Я бы могла поместиться в карман его грубого передника примерно наполовину, если бы вдруг вздумала подражать сумчатому детёнышу с картинок книги о редких животных.

— А, Юна! — обрадовался господин Норм, пригибаясь под дверной аркой. — Ты очень кстати! Можешь задержаться, пока я буду пересчитывать лирны? Не доверяю ломбардийцам: весьма жуликоватый народец! Ох...

Он потёр рукой ушибленный лоб, которым всё-таки задел притолоку, и виновато втянул голову в плечи. Пересчитывал лирны господин Норм обычно очень медленно, но меня это только радовало.

— Я тоже ему не доверяю, — искренне улыбнулась я. И добавила: — Вы ведь знаете, что я обожаю задерживаться у вас.

— Хе-хе-хе, — довольно засмеялся огромный мужчина и махнул рукой: — Знаю, что тебя интересуется. Можешь попробовать любой.

Я убедилась, что господин Норм заметил мешочки, и направилась к стойке с луками. Прошлась вдоль ряда изогнутого ору-

жия, поглаживая почти каждую рукоять. Некоторые из луков господин Норм изготавливал сам, другие привозил из самых разных концов королевства. Новые, пахнущие деревом и краской, с пока ещё идеально гладкой тетивой, они были для меня чем-то вроде предмета поклонения. Надо отметить, что в арсенале академии попадались образцы ничуть не хуже, чем выставленные в лавке «ОружейНОРМ», но я всё равно каждый раз восхищалась, доставляя заслуженными комплиментами удовольствие нам обоим — и самой себе, и владельцу этого богатства.

За спиной зазвенели лирны, когда я застыла перед длинным футляром, выложенным изнутри мехом. В его пушистых объятиях покоился незнакомый мне лук, украшенный насечками и инкрустированный золотом. Полностью металлический, совершенно новый, он призывно манил мою ладонь хищным профилем чёрной рукояти. Она перетекала в изумительные изгибы плеч, идеально плавные и тонкие. Мне никогда ещё не доводилось встречать настолько красивого оружия.

— Господин Норм! — Я нетерпеливо развернулась на пятках. — Господин Норм! Он прекрасен! Лучшее из ваших творений!

— О! — отозвался оружейник, оторвавшись от пересчёта монет. — Это не моя работа, увы. Такие материалы трудно достать в Кроунице.

Мужчина спешно подошёл ближе, словно боялся, что я могу похитить оружие. Честно признаться, такая мысль у меня мелькнула. Хотя и несерьёзная, но всё же достаточно навязчивая. И видимо, она слишком явно отразилась на моём лице, потому что Помпоз Норм достал лук и бережно погладил его огромной ладонью. Даже принялся раскачиваться из стороны в сторону, убаюкивая произведение оружейного искусства, словно ребёнка.

— Только сегодня приехал, сам не могу насмотреться, — промурлыкал он, обнимая оружие. — Карнеум — один из самых точных луков в мире. Таххарийская сталь и многослойное покрытие, устойчивое даже к солёной воде. Тетива переменной ручной вивки с дополнительной нитью. Идеально плавное натяжение без сильных вибраций. Скорость полёта стрелы — до сотни шагов в секунду.

От перечисления достоинств лука у меня перехватило дыхание, и я даже по-новому взглянула на этот образец. Мастер, изготовивший его, явно знал своё дело. А самое главное — любил. Это было видно с первого взгляда на оружие, которое я немедленно нарекла своей новой мечтой.

— Потрясающе, — я заворожённо наблюдала за ласкающей сталь широкой ладонью. — А что с его рукоятью?

Очень хотелось потрогать короткую ребристую поверхность со странным выступом, но я стеснялась прикоснуться к шедевру.

— Специальный внутренний прилив, — господин Норм всё-таки протянул мне оружие. — Ограждает запястье от повреждений и позволяет стрелять даже боком, положив лук на препятствие. Подержи его!

Я осторожно приняла из мужских рук творение оружейного гения. И почти замычала от удовольствия. На ощупь лук оказался ещё большим совершенством, чем на вид.

— Лёгкий, — коротко заключила я с рассеянной улыбкой.

— При длине в шестьдесят дюймов весит немногим больше дамского кинжала, — торжественно объявил довольный Помпоз Норм. — Это работа старика Карнеума, который называет созданное им оружие своей фамилией. После того как подержишь в руках его лук, на другие даже смотреть не хочется. Я уже много лет не видел творений Карнеума, а это — совершенно новое.

— На другие смотреть не хочется, — согласилась я и потянула за тетиву, что казалась продолжением моих пальцев. — Я любила его, как только впервые увидела. Сколько же он стоит?

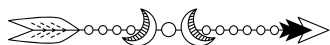
— Увы, — мужчина со вздохом развёл ручищами, — он не продаётся. Специальный заказ из Лангсорда для одного важного господина.

— Для кого? — выпалила я, неохотно возвращая оружие в футляр.

И сразу же пожалела о своей поспешности. Захотелось снова схватить рукоять и убаюкать в руках, как делал оружейник. Ну и вопрос тоже был лишним. Разумеется, я знала, что мне не дадут ответа.

— Имя я назвать не могу, — господин Норм вернулся за прилавком, подтверждая мои догадки. — На вид серьёзный и властный господин. Хорошо разбирается в оружии.

Я неохотно поплелась следом, стараясь не кидать слишком жадные взгляды на чужое счастье, дремавшее в своей меховой колыбели.

— Ещё бы, с таким-то заказом! — хмыкнула я.

Оружейник уставился на лирны таким взглядом, словно впервые их увидел. Я тоже опрометчиво забыла о деньгах, пока рассматривала Карнеум. К счастью, воришки редко заглядывали в лавку, так что монеты остались нетронутыми.

— Должно быть, коллекционер, — протянул Помпоз Норм, задумчиво перебирая монеты. Между внушительных бровей мужчины залегла сосредоточенная складка. Было похоже, что простой счёт доставляет ему некоторые трудности.

— Как он выглядел? — уточнила я, пытаюсь нарисовать в воображении хозяина своей мечты.

Почему-то перед глазами тут же встал Господин Демиург. С момента получения письма я не встречала его больше ни разу и даже не получала весточки. Не считая предложения работы от Минестла. Пожалуй, создатель Ордена Крона внешне достаточно походил на коллекционера — конечно, если принять на веру, что именно он был тем представительным господином, которого я видела с консулом Рутзским. Его лица с появления в Фарелби я почти не запомнила — только жуткие разноцветные глаза.

— Юна, — серьёзно и даже как-то обиженно ответил господин Норм, — обычно я не разглядываю мужчин.

Я вздохнула и с досадой оглянулась ещё раз на совершенный лук, предназначенный для стрельбы из любого положения. Держать такое оружие в футляре, пусть даже самом мягком и роскошном, казалось мне настоящим кощунством. От огорчения я даже принялась постукивать сапогом по полу, в такт шёпота оружейника, пересчитывавшего лирны.

— Всё верно, — наконец заключил владелец «ОружейНОР-Ма» и протянул мне руку: — Рад сотрудничеству с Селованом Минестлом!

— А я не очень, — моя ладонь почти по локоть утонула в его ладони. — Но с деньгами у него всё в порядке.

— Доверяй, но проверяй! — погрозил мне пальцем господин Норм, прищурившись. — Кааса тебе заточить?

Удивительно: он иногда забывал, как зовут его постоянных покупателей, но имена оружия помнил всегда. Сталь оружейник уважал больше, чем людей, наделяя даже дешёвенький простецкий ножик особым характером. Мне ужасно нравилось такое отношение, тем более что мой кинжал и правда обладал душой.

— Я им почти не пользуюсь, — пожалала я плечами, разворачиваясь к выходу. — Так что он пока достаточно острый.

— Как говорят таххарийские воины: «Даже если меч понадобится тебе один раз в жизни, носить его нужно всегда», — с назидательным видом протянул оружейник. — Я бы добавил, что и точить его тоже нужно всегда.

Я много раз слышала эту знаменитую присказку в исполнении господина Норма; поэтому лишь согласно хмыкнула. Так он обычно рекламировал кроуницколь, которым затачивал лезвия. Как ни странно, работала эта нехитрая мудрость прекрасно: посетители проникались и охотно выкладывали кругленькую сумму за уникальный кроуницкий минерал.

— В следующий раз, — бросила я, скрываясь за тяжёлой входной дверью. — До встречи, господин Норм!

Хозяин оружейной лавочки махнул мне на прощание тяжёлой лапой и отвернулся. Я же вынырнула в молочное море тумана, что разлилось вдоль Тифоньего бульвара. Сквозь него невозможно было рассмотреть ни единой вывески, даже усиленной магией Мэндэля, но я и так прекрасно знала, где находится транспортная компания. Не удержавшись, я всё-таки кинула последний, полный сожаления взгляд на проржавевший щит над входом в «ОружейНОРМ». Чужое счастье, о котором мне оставалось лишь мечтать, дразнило меня своей близостью.

Нет предела человеческой жадности: чем больше мы имеем, тем больше желаем получить. Ещё год назад я и предположить не могла, что буду учиться среди богатых детей аристократов, стрелять из отличных боевых луков и числиться мейлори лучшего в мире ментора. А теперь мне хотелось большего. Не просто знатного окружения, но и их признания. Не просто отличный лук, а самый лучший. И быть не только мейлори, а... А кем? Я с силой шлёпнула ладонью по чёрному пауку, чтобы приглушить несвойственную мне алчность, и поплелась за капраном.

Квертинд — это традиции и наследие, как некогда заметила Надалия Аддисад. Это Иверийская династия с её странными загадками и величием, которое приводит в трепет жителей одним только упоминанием. Это магия семи богов, что живут в каждом воззвании, растворяясь в воздухе разноцветным свечением. Это странная смесь добра и зла, хорошего и плохого, простого волшебства и сложных случайностей. Это сказочный мир, щедро сдобренный кровью. И, как и кровь, этот мир пульсировал, растекался по артериям дорог, густел и сочился сквозь раны своей многолетней истории. Но во все времена, Древние и Новые, Квертинд начинался с его Красных Лун.

Точка отсчёта, что прямо сейчас начинала двести десятый год, представлялась мне особым завершением истории, что длилась четыреста двенадцать дней минувшего краснолунного года, и началом какой-то новой, совершенно иной. А сама Красная Луна мнилась окошком, узким глазком, сквозь который боги оценивали Квертинд, решая, какие ещё потрясения и изменения послать его жителям.

Бордовый диск наполовину выглянул из-за Галиофских утёсов, с трудом пробивая алым свечением густой ночной туман. Я усмехнулась: если боги и смотрели сейчас на меня сквозь кровавую дыру в ночном небе, то Кроуниц изрядно затруднял им видимость. Я полюбила этот город туманов, фонарей и диковинных легенд, такой же чужой Квертинду, как и я сама, но всё же являющийся его частью. И он отвечал мне взаимностью.

Пламя одинокой свечи дрожало в моих руках, отдавая дань памяти погибшим. Не только Иверийским правителям, как это принято у квертиндцев, но и всем, кого я потеряла к своей восемнадцатой Красной Луне. И хотя это была только вторая Красная Луна, которую я видела в своей жизни, у меня была уже личная, грустная, но всё же необходимая традиция.

Иверийская корона, поддерживаемая статуями семерых богов, казалось, не отражала, а впитывала багряный лунный свет, поглощая льющуюся с неба благодать.

Я думала об отце, который так и не увидел меня студенткой академии. Я думала о матери, которая оставила мне такое стран-

ное наследство и погибла ради своей идеи. Я думала об узниках из Кедровок, которые навсегда застыли тенями в моём сердце. И, конечно, я думала о Каасе.

Тусклые свечные огоньки вспыхнули вокруг, выдавая присутствие обитателей академии. Студентов с каникул вернулось ещё совсем мало, поэтому зелёных жилетов было не больше десятка. Небольшая группа собралась с другой стороны статуи — подалеже от меня. Они тихо перешёптывались, зажигая свечи от пламени уже горящих и сверля меня взглядами.

На площадь высыпали рудвики под предводительством Эльки Павс. Плотный воздух наполнился плавающими в тумане огоньками. Одни парили повыше, другие пониже, одни были побольше, другие поменьше, но все они стекались туда, где не было Юны Горст. На площади перед академией собралось уже немало людей и рудвиков, однако ко мне никто так и не приблизился. Я стояла одна под прищелом краснолунного света и горького презрения.

В толпе я заметила магистра Калькут: её освещённый крохотным пламенем подбородок выглядел зловеще. Даже она сторонилась меня, подчёркивая, что мне нет места на празднике памяти в честь правителей, которых убила моя мать. Я сжала в ладони тигаль, надеясь, что этот крохотный жест верноподданства докажет местным квартинцам мою непричастность. Но, кажется, сделала только хуже: некоторые студенты брезгливо сморщились.

Ректор Аддисад замерла у входа, не приближаясь ни к одной из сторон. Вряд ли она хотела подчеркнуть свой нейтралитет — взгляд её был блуждающим и рассеянным. За лето мы виделись редко, но я успела заметить, что поездка в столицу сильно изменила ректора: она стала задумчивой, подавленной и даже какой-то обречённой, как будто в сильной женщине погас её лазурный огонёк. Она стояла, отрешённо вглядываясь в пламя свечи, словно могла увидеть там свою судьбу.

Я тоже перевела взгляд на трепещущий огонёк, пытаясь раствориться в нём мыслями, чтобы не видеть осуждения окружающих, совершенно несправедливого и очень обидного. Воск стекал тяжёлыми каплями, источая медовый аромат. Пламя свечи горело ровно, но вдруг дрогнуло, когда его коснулся ещё не зажжённый фитиль. Я улыбнулась.

— Загадала желание? — Джермонд поднял горящую свечу и взглянул на Красную Луну, что уже вскарабкалась по ночному куполу и висела над нашими головами.

На площади стало тише, и поднятые к небесам лица студентов развернулись в нашу сторону. Мы с моим ментором привлекали внимание даже сильнее краснобокой виновницы торжества. Как будто именно ради нас собрались все присутствующие. К счастью, теперь это волновало меня гораздо меньше. Люди стали просто фоном, красивой живой декорацией, огоньками свечей, что колыхались в алеющем тумане вокруг статуи семи богов. Тишина, необычный свет и мерцание огней создавали ощущение таинства, тихого праздника. И теперь, когда ментор был рядом, я почувствовала, как меня заполняет торжественная радость. Багряное свечение отразилось в зрачках Джера, легло на его щёки. На удивление гладкие и тщательно выбритые.

— Никак не могу выбрать, — призналась я, довольная тем, что больше не одна. — Оказывается, я мечтаю слишком о многом.

О том, что под Красной Луной принято загадывать желания, я узнала совсем недавно. В середине лета, когда мне только минуло восемнадцать, на нашем краю земли выдалась удивительная ночь с огромной, хоть и обыкновенной белой луной. Тогда мне впервые удалось поднять настоящий фонтан из комьев свежей почвы с помощью магии Ревда, и я без сил валялась в летней траве, щурясь от непривычно яркого лунного света.

Плато на вулкане вызывало неприятные воспоминания, но мой ментор настоял, чтобы мы туда вернулись и продолжили тренировки. То же самое место он выбрал отнюдь не из сентиментальности: просто на Сомнидракотуле пока не встречались икша и там нам никто не мог помешать.

Когда же я, лёжа под ночным небом, залитым лунным светом, уже начала предаваться грусти и печали, Джер улёгся рядом и рассказал мне о прошлом Квертинда. О том, что раньше первый день года был не днём памяти, а скорее днём беспамятства. До смерти Мирасполя и Лауны люди предпочитали забывать в эту ночь обо всём плохом: веселились, держались за руки, смеялись, пили вино и загадывали желания, которые непременно исполнялись впоследствии. По крайней мере, квертиндцы в это верили — так же как верили в своих богов.

— В прошлом году ты точно знала, чего хочешь больше всего, — заметил Джер, прерывая мои воспоминания. — Неужели появилось что-то важнее этого?

— Не совсем, — я пожала плечами и оглянулась, убеждаясь, что нас никто не слышит. — Юна Горст теперь символ проклятия. Дочь убийцы Иверийцев. И мне ужасно не нравится эта роль. Вот и разрываюсь между мечтой снова стать всеобщей любимицей и желанием безнаказанно перерезать всех во славу Толмунда.

— Что побеждает? — усмехнулся ментор.

— Пока первое, — улыбнулась я в ответ. — Но это только начало списка. Оказалось, воевать с судьбой куда проще, чем со своими прихотями.

— В отличие от судьбы, проигрывать прихотям бывает приятно. — Джер приветственно кивнул ректору Аддисад, которая наконец заметила его присутствие.

— Ты ведь не благословил меня сейчас на кровавую бойню? — уточнила я, поправляя кинжал.

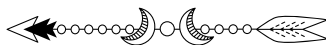
— В отличие от них, — он кивнул на насторожённую толпу, — я знаю, что ты неспособна на это. Даже с учётом моего благословения.

— Других идей по восстановлению репутации у меня пока нет, — вздохнула я, оглядывая студентов. — Боюсь представить, как буду справляться весь следующий год.

Чем ближе был день начала учёбы, тем сильнее росло моё беспокойство. Совсем скоро академия заполнится людьми, которые будут прожигать во мне дыру своей ненавистью. И ладно бы, если бы эта ненависть ограничивалась только косыми взглядами и молчаливой неприязнью. Увы, я слишком хорошо изучила местные нравы, чтобы признать очевидное: спокойно учиться мне не дадут.

— Завоевать любовь толпы порой проще, чем любовь отдельного человека. — Джер слегка наклонил свечу, и пламя дрогнуло. — Достаточно управлять их воображением. У тебя получится, Юна. Ты даже удивишься, насколько это легко.

— Я помню первый урок ментора, — торопливо перебила я. — Нужно дать им то, чего они желают больше всего. Но вряд ли я смогу воскресить их любимых королей. А на меньшее квартинды, кажется, не согласны.

Получить всеобщее одобрение мне помогло бы лишь красноречное чудо, если бы именно это я загадала в волшебную ночь. Но пожелать можно было что-то одно, и я тяжело вздохнула, страдая от тяжести выбора. Перед глазами встал Карнеум и почему-то фарфоровая фигурка в руках госпожи Томсон. Чего больше всего желала я? Вот бы получить ответ и на этот вопрос у своего ментора. Я осторожно взяла его за руку, надеясь, что туман послужит хорошим прикрытием. К сожалению, я ошиблась, потому что заинтересованные взгляды тут же снова обратились в нашу сторону. В растерянности я попыталась отдернуть ладонь.

— Не всеми можно управлять через их желания. — Джер сам крепко сжал мою руку, не позволяя высвободиться. — Твоя непричастность к делам Тезарии Горст очевидна, но вряд ли ты сможешь это объяснить. Толпа нечувствительна к рассудочным доказательствам. Она понимают только два языка: обольщение и силу. И если ты больше не можешь обольстить людей своим авторитетом, тебе остаётся подчинить их посредством страха.

— Предлагаешь запугать их? — я округлила глаза, не веря, что это говорит мой ментор.

Площадь заполнили взволнованные шепотки. Даже рудвики наострили мохнатые уши.

— Они уже напуганы, — подтвердил Джер. — Своими собственными иллюзиями на твой счёт. Я предлагаю тебе использовать это в своих интересах. Порой страх — куда более сильный мотив, чем прихоти. И он поможет сдерживать стихийное насилие по отношению к тебе.

— Ты всё-таки настаиваешь на бойне, — шуточно резюмировала я. — Надо было всё-таки зарезать Трейсли в прошлом году, чтобы подпитать собственное величие! Стоило хотя бы оправдать свою дурную репутацию.

Моя свеча уже почти догорела, и я задула её, чтобы не обжечь пальцы. Туманная тьма окутала меня, и я облегчённо выдохнула. Заветное желание так и осталось загаданным, но у меня ещё было время до захода луны.

— Необязательно её оправдывать на самом деле, — ответил ментор. — Достаточно не мешать людям думать о тебе так, как им нравится. Попытки доказать всем, что ты не злодейка, быстро превратят тебя в жертву. А это ещё хуже.

— Уж лучше останусь хищницей, — согласилась я, злобно оскалившись Лилии, и бывшая девушка Лонима слабо пискнула, скрывшись за спиной магистра своего факультета.

— Не заиграйся, — хмыкнул Джер, заметив это.

Он тоже погасил свечу, и теперь нас едва ли можно было различить в тумане.

— А ты загадал желание? — спросила я. — У тебя вообще есть мечта?

— Была одна, — неохотно поделился Джермонд, вглядываясь в Красную Луну. — Последние годы я загадывал одно и то же.

Это было так удивительно, что мой рассудительный ментор, который подвергает всё тщательному анализу, верит в краснолунное желание. В какой-то мере это само по себе было чудом.

— И что с ней случилось? — Я не отрывала глаз от лица Джера. — Она сбывалась?

— Почти, — ментор тоже посмотрел на меня и улыбнулся. — Но теперь у меня появилась ещё одна.

— Какая? — Я замерла, глядя ему в глаза, как перед важным откровением. Сердце пропустило удар, и мир исчез, растворяясь в краснолунном свете. Так странно: мне ничего не угрожало, я не боролась с судьбой и не смеялась в лицо опасности, но дышала часто-часто, как будто пыталась надышаться этим мгновением впрок.

— Магистр Десент! — послышалось за спиной.

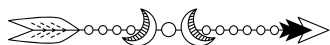
— Вот крихт, — вырвалось у меня.

Я обернулась и проследила за взглядом Джера. Ректор Аддисад придерживала дверь и махала рукой, приглашая магистра Десента внутрь. Вокруг уже никого не было, мы остались совсем одни. Кажется, сейчас я начала понимать Виттора, который прятал госпожу Томсон подальше от академии. Мне тоже хотелось спрятать своего ментора ото всех, лишь бы нас больше никогда не прерывали.

— Прекрати ругаться, — тихо проговорил Джер где-то у моего виска. — И вернись в академию, не нарушай правил: на улице всё-таки темно.

— Нужно пожелать покоя для тебя и меня, — буркнула я, покорно шагая к обвитым рябиной дверям. — Хотя бы на ближайший год.

— Подозреваю, что на это чудо неспособны даже боги, — ухмыльнулся Джермонд. — Я не вижу впереди спокойствия. Ни для тебя, ни для себя.

Ответить я не успела: в гостиной мы снова оказались в центре внимания. Огромный камин ярко горел, освещая сонных обитателей академии. Джер почти сразу скрылся за нефритовой аркой столовой, куда его поманила Надалия, и я снова осталась в одиночестве. Студенты лениво перешёптывались, ненадолго прервавшись при моём появлении. Захотелось немного порычать для остротки, подражая горному льву с гигантской фрески, но я сдержалась.

Вилли дремала на одной из лавочек, смешно подёргивая ушами во сне. Я неуверенно оглянулась на дверь — было бы неплохо ещё разок взглянуть на Красную Луну и всё-таки озвучить ей своё желание, хотя бы мысленно. Но ворота гостиной отделяли меня от нарушения глупых правил, и я обречённо поплелась к одной из лестниц.

На полпути к моей комнате меня посетила гениальная мысль. Облачный мост! Ну конечно, по нему можно гулять даже ночью — Фиди говорила об этом в прошлом году. Вид оттуда должен открываться ещё лучше, чем с площади перед академией. К тому же так я буду ближе к Красной Луне: кто знает, может, это поспособствует исполнению моей просьбы?

К открытому балкону я поднялась быстро, перепрыгивая сразу по несколько ступеней. Даже почти не запыхалась — сказывались регулярные тренировки. Крохотные огоньки на высоких перилах подрагивали вдоль всего моста. В таком тумане они были действительно необходимы. Я сделала пару шагов, положила ладони на прохладный камень ограждения и задрала голову.

Красная Луна, в отличие от огоньков, горела ровно и даже как-то упрямо. Диск её был нечётким, но из-за сияющего алого ореола царица ночи казалась даже больше, чем на самом деле.

Я глубоко вдохнула, успокаивая бешено колотящееся сердце, и слизнула с губ влажные капельки. Ровно год назад у меня было одно-единственное, совершенно конкретное желание: убить Кирмоса лин де Блайта. Это была моя главная цель, мой долг, моё обещание и моё будущее. Но было ли это моей самой важной мечтой? Мысли хаотично заматались, как перепуганные кроли-

ки, замерцали тусклыми бликами на чёрной рукояти Карнеума, заскандировали моё имя голосами улыбающихся студентов, взорвались зелёной магией Ревда. О чём я мечтала?

— Не торопи меня, — предупредила я Красную Луну, которая уже коснулась алыми лучами пиков скал.

Всё, что приходило мне в голову, казалось мелочным, недостойным настоящего волшебства. Нестройные ряды моих прихотей кружились хороводом вокруг одного-единственного потаённого желания, о котором я боялась и думать. Пламя того огонька, что зажглось в моей жизни с появлением ментора, разгоралось только сильнее от того, что я пыталась задуть его. Я ещё долго могла бы лгать себе, трусливо прячась за сиюминутными желаниями, но от этого ничего не менялось. За последний год я успела в этом убедиться.

Вдруг один из фонарей задрожал и перепрыгнул с места на место. Я моргнула, отгоняя туманный морок, и всмотрелась в дальний конец моста. Тусклый огонёк не двигался и даже не мерцал: просто застыл неподвижным светящимся пятном. Вместе с ним, казалось, в багровом тумане застыл весь мир, словно само время остановило свой бег. Даже Красная Луна насмешливо зависла в воздухе, ожидая моего желания.

Я слотнула неожиданно вязкую слону и обняла ладонью чёрного паука. И на резком выдохе, чтобы не успеть передумать, одними губами прошептала своё заветное желание, самую важную мечту. Тут уже отшатнулась и вздрогнула, потому что огонёк прыгнул ещё раз. Совершенно точно — мне не показалось. Неожиданный страх ослабил меня, ошетинился острой ледяной струной. Я испуганно схватилась за перила, чтобы не рухнуть вниз, и тут же различила вдали какое-то движение. Неужто за мной следили?

На секунду я забеспокоилась, что меня могли услышать, но это было невозможно. Но тем не менее первым делом мне всё равно захотелось позорно сбежать и спрятаться. К тому же после того, как я произнесла вслух своё сокровенное желание, на меня навалилась какая-то обречённая слабость. Как будто я прошептала не мечту, а воззвание и оно истощило мою магическую память. Если бы это было правдой, я была бы настоящей волшебницей, которая одной фразой способна исполнять собственные желания. Увы, моя главная мечта была несбыточной,

невозможной, невероятной, и я даже на миг пожалела о том, что поддалась романтической глупости.

Огонёк тем временем продолжал метаться из стороны в сторону, и я попятилась к двери. Но тут же вспомнила, что не собираюсь становиться жертвой, и вместо жалкого бегства твёрдо зашагала по мосту в сторону прыгающего пламени. На середине пути моя голова закружилась, и я впелась в ограждение, зашипев от злости на саму себя. Отступить было нельзя.

Глаза напряжённо впились в две почти неподвижные человеческие фигуры. Отругав себя за впечатлительность и малодушие, я направилась к ним. Конечно, было бы неприятно обнаружить тут таких же находчивых студентов, как и я сама, но прятаться от них было ещё неприятнее. К моей радости, это оказались два задумчивых магистра, любующиеся закатом багрового диска. Они передавали друг другу зажжённую причудливую трубку, из которой валил клубами дым, отчётливо различимый даже в густом тумане.

— Студентка Горст, — магистр Риин от растерянности закашлялся и попытался спрятать длинный мундштук за спину. — В такой час студентам положено спать.

— Юна, — радушно заулыбался Голомяс при виде меня. — Мы было подумали, что к нам идёт Нада... ректор Аддисад.

— Извините. — Я отступила на пару шагов, смущённая тем, что потревожила магистров.

По себе я знала, что это крайне неприятно. Тревога и глупый страх сменились свинцовой усталостью, и я, теперь уже осознанно, привалилась к высоким каменным перилам. Чего я испугалась? Юна Горст, что смеётся в лицо опасности, что видела икша и кровавую магию, струсилась, заметив прыгающий огонёк в ночи?

— Мы как раз обсуждали новую книгу, — деловито сообщил библиотекарь. — Пришёл целый ящик крепких переплётов. Ты непременно должна её прочесть, Юна!

— Меня сейчас больше интересует историческая литература, — насторожённо огляделась я, раздумывая, уместно ли тут оставаться.

— Разумно, — одобрил магистр Риин. — Эти новые романы выходят десятками каждый год. И все про любовь, как будто мир состоит исключительно из чувствительных дев.

Он глубоко затынулся, расслабившись. Я порадовалась, что моё присутствие больше не беспокоит ментального мага: Флейн

Риин почти развалился на парапете и уставился в одну точку, задумчиво подпирая подбородок.

— А мне нравятся истории про любовь. — Голомяс смотрел туда, где скрылась Красная Луна. — Должно быть, я уже достаточно стар, чтобы воспринимать их со всей серьёзностью и удовольствием.

Я развернулась, проследив за направлением его взгляда. От новогоднего светила остался лишь ярко светящийся край, выглядывающий из-за кромки гор. Кажется, я ещё успевала почтить память Чахи, хотя свечи у меня больше и не было. Я вспомнила кровавую ведьму, великую волшебницу, которая обожала и творила истории про любовь.

— И что это за новая книга? — лениво поинтересовался магистр ментальной магии, снова затягиваясь.

Трубка ярко разгорелась, потянуло сладковатым дымком жжёного сена. От этого запаха тут же захотелось спать, и я едва сдержала зевок.

— Называется «М и М», — торжественно произнёс Голомяс.

— Странное название, — озвучил мои мысли магистр Риин.

— Согласен. — Голомяс поправил остатки волос на затылке. — Но написана отлично. Только послушайте: «Бойтесь своих желаний, ибо они имеют свойство сбываться!» Превосходно. Роскошно!

— Похоже на простую истину, — равнодушно заключил магистр Риин.

— А опыт — это и есть бесконечное подтверждение простых истин, мой друг, — отозвался чудаковатый библиотекарь. — Когда открываешь для себя очередную, хочется кричать: «Что же вы, люди?! Бойтесь своих желаний! Я серьёзно!» Но люди только посмеиваются и вежливо кивают. Ровно до тех пор, пока не откроют для себя лично ту же самую, как вы это назвали, простую истину.

— И им останется только присоединиться к общему хору познавших жизнь, — иронично хмыкнул магистр Риин и сам себя прервал зевком.

— Не забываетесь, молодой человек. — Голомяс забрал трубку. — Всё-таки я гожусь вам в прапрапрадеды.

Я попыталась примерно сосчитать, сколько «пра» мне стоит добавить, чтобы правильно соотнести возраст кровавого мага

и свой. Мозг категорически отказывался выполнять даже такую простую задачу, и я тоже зевнула, не удержавшись. Стрелки над Иверийской короной циферблата показывали ранние утренние часы, и моя сонливость властно заявляла о себе.

— Нет, в самом деле, — не сдавался магистр Риин, — почему именно «М и М»? А не «Ма и Ма», к примеру?

Взгляд его рассеяннo блуждал в сумерках, которые почти потеряли красноватый оттенок.

— Может, лучше «Ме и Ме»? — предложил Голомяс, выпустив колючки едкого дыма. — Ближе к нашей реальности.

— Концептуально, — с умным видом согласился магистр Риин.

Я обернулась, почувствовав взгляд. На мосту стоял ещё один человек, скрытый в сумеречном тумане. Но я сразу узнала его. Его я узнала бы из сотен и миллионов только по одному силуэту.

Губы сами собой разъехались в улыбке. Этого стоило ожидать: Джера наверняка привела сюда наша связь, но я всё равно порадовалась его появлению. Он пришёл за мной. Захотелось поблагодарить Красную Луну, но она уже полностью исчезла, не оставив даже слабого света. В следующий раз мы увидимся только через год. И тогда я точно вознесу ей хвалу.

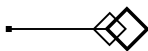
Прямо сейчас я могла подойти к своему ментору, прикоснуться к нему, вдохнуть его запах и даже обнять. Может, моё желание не такое уж и несбыточное? Может, и мне предназначен судьбой обрывок счастья на пути к собственной мечте? Может, когда-нибудь я буду так же необходима ему, как он — мне?

— Я, пожалуй, пойду, — тихо сообщила я увлечённым беседой мужчинам.

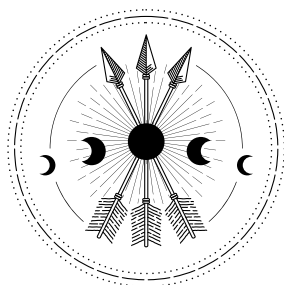
Оба магистра повернули ко мне свои лысые головы так, будто успели уже забыть о моём присутствии.

— Юна! — почти прокричал Голомяс, подтверждая мои слова, и с таинственным видом изрёк: — Бойся своих желаний, Юна. Бойся, ибо они имеют свойство сбываться.

Я хмыкнула от бульварной глупости из девичьего романа, пожелала магистрам доброй ночи и радостно зашагала к ментору чёрного паука.

ГЛАВА 2

МРАМОРНЫЙ ФАСАД КВЕРТИНДА

Динь-динь — бархатные кисточки занавески, покачиваясь, билась друг о друга, словно хотели рассказать мне короткую историю горячей страсти, что некогда вспыхнула здесь. Я улыбнулась. Служебный дилижанс Претория слабо накрепился, взбираясь на очередной мост.

За окном заплескалась серебристая Лангсордье, и разбилась в своём неистовстве небольшим водопадом.

Ласковая осень в этом году рано позолотила белоснежный наряд столицы, затанцевала тёплым ветром мимо высоких витрин и вдоль широких площадей. Свет с неба, тёплый, охристый, разлился по мрамору Лангсорда медовой патокой, словно солнце теперь сияло через кусок янтаря. И квертиндцы бродили вдоль улиц и переулков неспешно, наслаждаясь началом нового года и красотой столицы.

— Жизнь Везулии Иверийской была очень короткой и печальной, увы. — Камлен Видящий, что сидел напротив, протянул руку и потрогал тёмную гладь вышивки, растянутой на пяльцах. — Она не знала ни доброты своего воинственного отца Галиофа, ни теплоты слишком рано почившей матери, ни любви мужа — властолюбивого иноземца Парта. Но больше всего молодая королева тяготилась своим даром предсказания.

Мне уже доводилось смотреть глазами Везулии — первой истинной Иверийской королевы Квертинда, дочери Галиофа Завоевателя. Замкнутая, несчастная и болезненная женщина почти не выходила из Иверийского замка, окружённая охраной. Прори-

цания истощали её, мучили, губили, тянули из неё свет и радость. Она вышивала свои видения, вкладывала в каждую нить капельку магии Нарцины и щедро орошала полотно слезами горя.

Вот и сейчас я держала в руках её последнюю работу — незаконченную. Вышитые угрюмыми серыми тонами, двое кружились в вальсе. Мужчина в дорогих одеждах уверенно вёл девушку, глаза которой закрывала лента. Странный танец, преисполненный какой-то болезненной, жестокой, почти преступной нежностью. Пара красовалась на невесомом, почти прозрачном полотне, отчего казалось, будто двое парят в округлой раме.

Везулия жила в своих грёзах и даже в самых тёмных видениях пыталась увидеть толику теплоты. Я понимала её — это были отчаянные попытки полюбить жизнь. Жаль, что это ей так и не удалось.

— Мне всегда больно видеть её, Великий Консул. — Я слышала, как прошлое королевы зовёт меня, накрывает своей вышитой печалью пеленой. — И в то же время радостно за собственную судьбу. Ведь я, как и она, могла бы обезуметь и лишиться себя жизни, если бы мне не повезло узнать вас. Мне так стыдно.

— Не винись, — старик повёл пустыми белками глаз. — Не всем под силу выдержать дар. Ты выдержишь — благодаря не только везению, но и своей собственной силе, Ванда.

Пушистый мех горжетки колол мне шею. Такая же нелепая штука, как и я сама, — лиса, видевшая собственную смерть, но всё ещё способная рассказывать истории. Моя ладонь пригласила мех, пропуская его сквозь пальцы. Нэнке рядом завозилась, закряхтела сквозь сон, и я отвернулась к окну.

Лангсорд пронёсился мраморными шпилями, высокими белыми зданиями, фигурными перилами мостов и балконов, ажурными витринами в несколько этажей — сжатый, как пружина, и в то же время громадный, бесконечный, от своего двуглавого шпиля с часами до заповедных рощ за окраинами. Город государственных тайн, великих правителей, гордость и сердце Квертинда. Монументальное творение Тибра Иверийского. Город горькой, трагической красоты. Его архитектурная торжественность — словно сцена для событий, что разворачиваются в королевстве вот уже двести лет, унося жизни героев и рождая новых творцов квертиндской истории.

До Претория оставалось ещё несколько проездов, и я откинулась назад на мягком сиденье, утонула в прохладном бархате обивки, позволяя магии завладеть мною.

Голос, что звал меня с расшитого полотна, стал осязаем, прыгнул на кончики пальцев, поднялся по косточкам. Я охотно подалась ему навстречу, принимая видение, и увидела Лангсора другим — только растущим стройками на окраинах, поблёскивающим новым мрамором.

Я стою на балконе Иверийского замка и смотрю, как трепещут флажки между шпильями, как развеваются стяги над баинями. Десять лет назад в столице объявили траур. После смерти Галиофа Иверийского траурные флажки успели истрепаться и выгореть, но их не снимали до сих пор. Галиоф Иверийский был мне отцом, великим завоевателем, присоединившим к нашему королевству новые северные земли. Но я его почти не помню. И чувствую себя лишней на этих затянувшихся проводах усопшего, чужой во всей этой жизни, как будто я не принцесса вовсе, а траурный флажок, корона на стяге, которую демонстрируют простолюдинам. Всклипываю от того, как сильно боль врежется в сердце, в кожу. И невыносимо хочется плакать. И уснуть.

— Ваше высочество! — Я вздрагиваю от голоса фрейлины. — Вам не холодно на балконе?

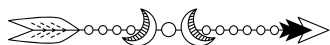
Оборачиваюсь. За спиной девушка. Я пытаюсь вспомнить её имя... и не могу. Платье её прекрасно гармонирует с тяжёлым бордовым бархатом интерьера покоев. Стрельчатые окна увиты массивной золотой лепниной, увенчаны символами власти моей династии. Люстры разбрасывают рассеянный свет своими хрустальными каплями, блестит паркет. А мне хочется шагнуть через перила и лететь, лететь над бездной, между небом и землёй, светом и тьмой...

— Король просил вас подойти в Тронный зал, — вкрадчиво приседает в реверансе девушка. — Позвольте помочь вам с туалетом.

Она стоит посреди комнаты, не решаясь приблизиться ко мне, словно боится спугнуть, как птишку. Такая понятная, простая девушка, и находится полностью на своём месте.

— Мне не холодно, — запоздало отвечаю я. — Сегодня чудесный день.

Фрейлина дёргается, как от пощечины, и я не вовремя вспоминаю, что день сегодня вовсе не чудесный. В честь десятилетия со дня смерти Галиофа мой дед Тибр Иверийский объявит о новом преемнике. Даже покои украсили соответственно случаю — принесли дюжину дурманящих букетов из белокрыльников Девейны и колючего алоэ. Величие, траур и горечь — вот что знаменуют эти цветы. Колючие толстые листья и острые пики цветков смерти торчат из напольных ваз, словно хотят побольнее уколоть обитателей замка. Корсет сильно давит на рёбра, меня попеременно кидает то в жар, то в холод. Так же как кидает из прошлого в будущее — между двумя реальностями. Кидает нас обеих: меня и мою проводницу — Иверийскую наследницу Везулию.

— Ваш супруг и сын ожидают у выхода, — оповещает девушка, осторожно приближаясь. — Сегодня должны объявить, кто следующим займёт трон.

Я согласно киваю, озираясь. Чужой муж, чужой ребёнок, чужая жизнь. Обхватываю себя руками и дрожу, с трудом удерживаясь в этой реальности. Кто я такая? Я оступаюсь, пошатнувшись, но меня подхватывает фрейлина — такая же прекрасная, как цветы в вазах и убранство королевского дворца. Она тащит меня на кровать, но я отказываюсь и тихонько сажусь у туалетного столика. Зеркало в резной золочёной раме отражает измученную женщину, почти прозрачную, с бледной кожей и светлыми волосами. Только мои глаза неяркие, светлые, а у неё вместо глаз — лиловые провалы без дна, а в их глубине — страх и усталость. Зачерпни ладошкой — напьёшься слабости пополам с отчаянием. И жалости. Позорной, убивающей жалости к самой себе.

Мои на удивление крупные пальцы перебирают часики — маленькие, большие, мужские и женские. Они тоже говорят со мной, но не рассказывают истории, а пульсируют магией, мощно, упрямо. Есть и пустые, молчаливые, лишённые пока всякой силы. Я выбираю одни, на тонкой цепочке, и надеваю на запястье.

Фрейлина расчёсывает мои волосы, больно тянет пряди, втыкает тяжёлые шпильки. Хлопают двери, и покои заполняются служанками. Тело моё натирают благовониями, мнут, щекочут кистями щёки. Словно лепят и рисуют Иверийскую принцес-

су — истинную наследницу и правительницу Квертинда. Словно хотят закрасить моё непреходящее уныние. Но для меня нет спасения — ни в прошлом, ни в будущем, а хуже всего — что нет его и в настоящем. Вся жизнь — мучительное тоскливое ожидание на перекрёстках чужих судеб. Я всхлипываю, едва удерживая слёзы в горле. И всё же встаю, ведомая долгом.

Почти не осознавая себя, я иду гулками коридорами замка, поднимаюсь по ступеням в сопровождении высокого темноволосого мужчины и серьёзного мальчика с такими же тёмно-фиолетовыми глазами и светлыми волосами, как у меня самой. Нога моя подворачивается, и боль приводит меня в чувство. Ненадолго, на пару секунд — этого хватает, только чтобы вспомнить, что рядом со мной мои муж и сын. Парт и Дормунд Иверийские.

Коридоры приводят нас в тронный зал, где восседает постаревший Тибр. Всё ещё статный, с роскошной волной светлых волос и сединой в длинной бороде. И с такими же фиолетовыми чернилами, плещущимися на месте радужки. Первый истинный Ивериец. Мне хочется застыть в восхищении перед его величием, но я лишь устало опускаю плечи, отметив, как тяжело лежат руки деда на подлокотниках трона. Торжественный зал полнится людьми — советниками, консулами, придворными служителями, фрейлинами, камергерами. Гул затихает, когда мы втроём останавливаемся перед рассеянным взором первого правителя Квертинда.

— Ваше величество, — склоняется в поклоне Парт, и мы с Дормундом следуем его примеру. — Вы приглашали нас к себе.

— Да, — Тибр выныривает из мрачных дум, и взгляд его становится осознанным. — Сначала почтим память Галиофа Иверийского. Для военного мага естественно не вернуться с войны. Он умер, как и жил: стремительно, решительно, на остром лезвии таххарийского клинка. Дикая страна варваров оказалась не по силам моему сыну. Но даже знай он свою смерть наперёд, всё равно отправился бы в поход на Таххарию-хан.

— Да примет его Девейна в свои сады, — отзывается Дормунд, и Парт шикает на него.

Я догадываюсь почему. Убийцам, даже самым brave воинам, дорога в сады Девейны закрыта. И Галиоф сейчас стонет в пекле Толмунда, расплачиваясь за то, за что его славят и почитают

здесь, под красными лунами Квертинда. Дормунд краснеет и переминается с ноги на ногу, понимая свою глупость.

— Подойди, — приказывает Тибр, обращаясь к своему пристыженному правнуку.

Светловолосый мальчик приближается, становится на одно колено, целует старческую ладонь, исчерченную чёрными линиями кровавой магии и украшенную перстнями. Я чувствую, как рядом напрягается Парт. По толпе придворных проходит гул, но быстро стихает. Тибр смотрит на испуганного юного правнука долго, словно набираясь решимости. Но потом всё-таки нарушает тишину.

— Дормунд Иверийский, — величественно произносит он. — Ты — истинный Ивериец, хранитель магии времени, благословлённый Кроном. Я признаю твоё право на престол и объявляю тебя преемником. После коронации ты станешь правителем Квертинда и сменишь меня на троне. Коронацию назначаю на восьмой день Красной Луны шестьдесят четвёртого года. Ровно через пять дней.

Слова звучат отрывисто, падают, как камни, в гулкую тишину зала, отскакивают от лепнины, отражаются в овальных зеркалах. Мальчик нервно оборачивается и испуганно смотрит на своего отца.

— Ваше величество, — Парт делает шаг вперёд, — Дормунд совсем ребёнок. Ему едва минуло двенадцать...

— У него предостаточно родственников, — резко обрывает Тибр. — Вы с Везулией можете ему править королевством. К тому же, отрекаясь от престола, я не собираюсь умирать. Трон может занять только прямой наследник по крови, это моё слово. А Везулия... Везулия нездорова. Она станет королевой-матерью.

Звуки, складывающиеся в моё имя, раскалывают мою голову надвое, как топор палача. Кажется, я не осознаю, что стану королевой-матерью. Даже по отдельности эти слова ничего не значат для меня. Неужели я — королева? Неужели я — мать? Мир вокруг становится мутным, расплывается, но я стою ровно, как и подобает правительнице. Как учили меня всю жизнь, ни жестом, ни вздохом я не выказываю своего плачевного состояния.

— Вы знаете, я не честолюбив, — задирает подбородок мой муж. — И никогда не стремился к власти. Но Дормунд нужда-

ется в защите... и воспитании. Он ещё слишком юн и порывист. Позвольте мне провести исследования его генов, чтобы постичь природу вашей уникальной магии. Возможно, я найду причину, по которой истинные Иверийцы не могут иметь больше одного ребёнка. Найду и устраню. Возможно, мы с принцессой Везулией подарим Квертинду ещё наследников...

Парт берёт меня за руку, обнимает. Глаза его горят от предвкушения и восторга, и я не понимаю, что так влияет на него — близость моего тела или рассуждения об исследованиях.

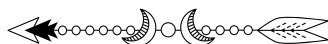
— Не позволю, — заявляет Тибр. — Вы больше не в Веллапольском княжестве, Парт, где простительны эксперименты над природой и человеческой сущностью. Квертинд не терпит вмешательства в предназначение, и он много раз доказывал это своей историей.

— Но ваша магия должна принадлежать народу Квертинда! — неуместно дерзко настаивает Парт.

— Наша магия дана нам Создателем для поддержания мира в королевстве. — Тибр тяжело поднимается, опираясь на копьё. — И если Создатель решил, что только Иверийский род будет нести это бремя, то так тому и быть. Мы должны чтить волю Крона и благодарить его за милость. А вы пытаетесь обыграть бога, Парт. Это всегда заканчивается плохо. Кто знает, какое страшное зло вы способны породить своими опытами.

Мой муж отстраняется и углубляется в свои размышления. Я остаюсь одна, прозрачная и невидимая, словно меня и нет вовсе в этом людном зале. Люди смотрят сквозь меня, я просто разновидность света, невесомый луч. Один из тех, что золотыми струнами пронзают тронный зал, по которым вливаются в открытые окна гомон толпы у подножия замка и шум людной площади.

Высокие арочные окна до самого пола впускают лишь толику солнечного света, и тени от длинных флажков извиваются на мраморном полу, как ядовитые змеи. Я слышу, как кто-то ещё говорит Тибру об Иверийской магии, о Квертинде и его границах. О новом владении в северных горах, туманных и угрюмых, которые решено назвать Галиофскими Утёсами. Придворные юлят и лебезят уже не только перед самим Тибром, но и перед

Дормундом Иверийским, ожидаемо ставшим центром собрания. А я всё смотрю и смотрю на скорбный танец флажков, выцветших до серых тряпок, и всё равно своим танцем каждую секунду напоминающих мне о смерти.

— Флажки! — вскрикиваю я и тут же вздрагиваю от собственного голоса.

Секундная молчаливая заминка в зале сразу же сменяется шепотками и тихими смешками. Но я не сдаюсь. Хоть и понимаю, как жалко выглядит попытка умалишённой принцессы принести пользу королевству и поучаствовать в обсуждениях.

— Пора снимать флажки, — говорю я уже чуть тише, обращаясь к Тибру. — Мой отец и ваш сын Галиоф погиб десять лет назад. Нужно отменить траур.

Испуганно озираюсь. Взгляды окружающих ранят меня насмешками, высокомерием и изредка — снисходительностью. Особенно болезненна последняя. В надежде найти защиту у мужа я бросаюсь к нему, цепляюсь за руку, но он отшатывается, оставляя меня наедине с моей глупостью. Наверняка — глупостью. Хоть я и не понимаю, что такого сказала, чем заслужила такое неприятие.

— Мы снимем их, когда придёт время, — хмурится король.

Между бровей его залегла тяжёлая складка, знаменующая сожаление. Сейчас он особенно напоминает мне юного Дормунда. Такой же наклон головы, такая же напряжённая поза и лиловый взгляд, который он старательно отводит. Тибр стыдится своей сумасшедшей внучки Везулии. Он стыдится меня... Помогите мне, Крон! Помогите выдержать презрение и собственное безумие. Или дайте сил прекратить это...

— Простите, ваше величество, — между мной и Тибром в реверансе тяжело склоняется моя престарелая кормилица, — Везулии с самого утра нездоровится.

— Милда Торн, — удовлетворённо кивает Тибр в ответ на поклон женичины. — Отведите мою внучку в её покои. И вернитесь получить ваше назначение. Я хочу отправить вас с супругом в новые земли, давно пора навести там порядок. Прибрежным городам нужна крепкая рука и верные Квертинду люди для укрепления наших позиций. Вы отправитесь в Нуотолинис — это крупный порт на границе северной территории. Сейчас там

бушует серая хворь, и целительский дар вашей многочисленной семьи будет кстати.

— Разумно ли лечить бывших веллапольцев? — вклинивается один из советников со знаком трёхглавой змеи на одежде. — Может, стоит подождать, пока болезнь сама выкосит часть местного населения? Они могут поднять мятеж, оправившись.

— Мы завоеватели, а не палачи, — строго отвечает Тибр. — И отныне эти люди — квертиндцы. Мы дадим им всё, что имеем сами: порядок, довольство и магию.

— Они обязаны присягнуть на верность королю! — взвизгивает Дормунд. — Верноподданство — первейший долг каждого жителя Квертинда, нового или старого!

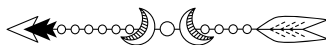
Выходит неубедительно, но никто даже и не думает высмеивать будущего короля. В ярком свете тронного зала глаза его под пушистыми светлыми ресницами кажутся пурпурными. И они беспрестанно бегают — от отца к прадеду на троне. Потом останавливаются на мне. Престарелая кормилица, спохватившись, больно дёргает меня за локоть и тащит прочь. Я едва успеваю перебирать ногами в узких туфельках. Каблуки почти не стучат, и двор быстро теряет ко мне интерес, переключившись на моего сына. Тот кидает последний стыдливый взгляд мне вслед и пытается приосаниться: высоко задирает подбородок, кладёт ладонь на эфес клинка и приподнимает уголки губ, изображая доброжелательность. Всё верно, сынок. Тебя очень хорошо научили. Нас всех этому учат. Всех принцев и принцесс.

— Пришла пора расставаться, ваше высочество, — вздыхает поседевшая Милда Торн, утаскивая меня из величественного зала. — Столько лет я вас берегла, а теперь правитель отсылает меня за верную службу. Воистину говорят: королевская благодарность обрекает на большее служение.

Коридоры Иверийского замка проносятся мимо меня расписными картинами магов Нарцины. Некоторые из них совсем новые — пахнут краской и маслом. И зовут меня войти внутрь, прикоснуться к своим историям...

— Кто теперь будет моей кормилицей, Милда? — обречённо спрашиваю я, покорно перебирая ногами.

Мне горько от неизбежности расставания со строгой и мудрой женщиной, которая с рождения наставляла меня, но я знаю,

что ничего не могу с этим сделать. Мне остаётся только принять своё новое окружение, всех этих бесчисленных одинаковых людей, которых я давно уже неспособна запомнить. И эти голоса, которые слышу только я. От них болит голова и мутится сознание. Они снова и снова зовут меня в чужие истории.

— Вы уже давно не дитя, — скрипит зубами Милда Торн. — Вам самой в пору детей нянчить. Дормунда, к примеру. Ох, нелегко ему теперь придётся! Квертинду нужна королева, а мальчику нужна мать. Он строптив, избалован и самовлюблён. Но хуже всего, что он несчастен и оттого идёт на поводу у своих страстей. Подумайте о сыне, Везулия Иверийская. Вспомните своё истинное предназначение — править королевством, служить Квертинду, беречь его своей магией! А то «флажки снять»... Ох, сдались вам эти тряпки!

— Ты права, Милда, — привычно соглашаюсь я, большие для вида.

И ещё — чтобы прекратить разговор. Чтобы хотя бы Милда замолчала.

Створка двери скрипит, и кормилица вталкивает меня в мои покои, слишком душные и роскошные.

— Вышивайте пока, — женщина кивает на пядьцы у окна.

Немного подумав, берёт ключ со стола, выходит и запирает меня в золочёной бархатной тюрьме. Слёзы катятся по щекам беззвучно, глухо, будто капли не имеют никакого отношения к моим глазам. Траурные флажки за спиной заговорили голосом моего отца — величайшего Галиофа Завоевателя.

— Отец! — воскликнула я и, подбежав к балкону, потянулась к скорбному ряду полотниц. — Отец, ты любишь меня? Должен же быть кто-то, кто любит меня!

И рассмеялась довольным и солёным от слёз смехом. Комната знакомо заголосила — пожалуй, только я одна могла слышать эти голоса, звучащие из каждого предмета.

— Я иду к тебе, отец, — ноги сами собой зашевелились по комнате, остановились у вышивки. — Только сейчас... Сейчас. Нужно ещё кое-что сделать для Дормунда. Я ведь мать. Да, я его мать!

Ровные гладкие стежки ложатся на удивление споро, побивуясь широким белоснежным пальцам. Я раскачиваюсь и напеваю мелодию, которую Квертинду ещё только предстоит услы-

шать. Мелодию из своих видений, что засела у меня в голове. «Как сладок сна конец...» — снова и снова завожу я прилипчивые строки, собирающиеся в напев, заклинание, беспрерывный вой. И игла выводит вышивку — изображение танцующей пары.

— Его высочество Дормунд Иверийский, наследник престола Квертинда и его владений, истинный Иверийский хранитель магии, — раздаётся за спиной голос фрейлины.

Я и не заметила, как она вошла. Кажется, пока вышивала, я не замечала вообще ничего. И это было великолепно. Щеки уже высохли, и нежную кожу теперь щипало от соли.

— Так скоро? — поднимаю голову и встревоженно окидываю взглядом свою работу. — Уже пора?

— Ваш сын желает навестить вас, — медленно уточняет фрейлина.

— Конечно. — Я обрезаю нить вышивки тонким лезвием. — Я готова. Жаль, не успела до конца.. Но этого достаточно.

В ответ девушка лишь неуверенно кивает и открывает дверь, впуская юного наследника в сопровождении свиты из трёх человек. Мой сын — чернильноокий Дормунд, с головой в ангельских кудрях, с ещё круглым безбородым лицом — важно проходит сквозь покои и останавливается у прикроватного столика.

— Благословите меня, матушка. — Мальчик не склоняет головы, смотрит серьёзно, исподлобья, но взгляд всё равно детский.

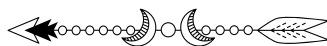
Трое сопровождающих мнутя у порога, не решаясь пройти в комнату. Но мне до них нет никакого дела.

— Смотри, Дормунд, — я подбегаю к сыну, показываю вышивку и вкладываю в его руки: — Это твой брат, видишь?

Будущий король открывает рот от удивления, отступает на шаг и выглядит в этот миг совсем мальшом. Пару секунд он верит мне, рассматривая гладь ткани, но потом его взгляд наполняется знакомой сочувственной снисходительностью. Увы.

— У меня не может быть братьев, матушка, — горько вздыхает Дормунд, как будто это он говорит с ребёнком. — Истинные Иверийцы не могут иметь больше одного наследника. Это особенность магии, что мы несём в себе. Вы несёте, матушка. Вы и я.

— Слушайся его, Дормунд, — наставляю я строго. — Своего единственного брата. Обязательно слушайся! Он поможет тебе. Он будет великим человеком. И очень могущественным.

— Вы не можете больше иметь детей, — шёпотом сообщает Дормунд великую тайну, которая и без него мне давно известна.

Он смотрит в мои глаза, словно надеясь убедить меня в своей правоте. Но потом не выдерживает и переводит взгляд на наставников.

— Посмотри, — я пытаюсь привлечь его внимание и подношу пяльцы к самому лицу мальчика. — Ему ведомы милосердие и честь, ведомо, что такое душа. Ты должен сберечь их, и из тьмы за ним никогда не придут. Всё может быть по-другому. Всё должно быть по-другому, Дормунд!

— Хватит! — Мальчик с криком кидает вышивку на пол. — Матушка, вы безумны! Вы просто свихнулись! У меня не может быть никаких братьев!

В его крике ещё слышны визгливые высокие нотки, хоть голос уже ломается. Сзади на Дормунда одновременно шикают камердинер и ментор, указывая на неподобающее поведение. Он немедленно поправляется, принимая горделивую позу. Улыбается — не слишком широко, но вежливо и благосклонно.

— Простите, ваше высочество, — прохладно извиняется сын. — Вы нездоровы. Вам лучше прилечь. Я зайду в другой раз.

— Нет! — я кидаясь к его ногам и подбираю своё рукоделие. — Поверь мне, Дормунд, я видела его, твоего брата. Видела, как тебя сейчас. С этой девушкой... Не знаю, кто она. Но точно знаю, кто он. Твой брат может стать величайшим правителем или мудрым советником. Только позволь ему, слышишь? Не толкай его во тьму. Слышишь, Дормунд?

— Тибр Иверийский назначил меня королём, — обиженно отмахивается белокурый принц. — Ты сама слышала — только истинный Ивериец может взойти на престол Квертинда! Если ты вообще способна что-то слышать, кроме своих видений.

Мне горько и больно от его слов, но я не знаю, как ещё убедить Дормунда. Как завоевать расположение собственного сына? Я неспособна на это. Я ничтожная принцесса. И стану ещё более ничтожной королевой-матерью. Мне хочется сказать ещё что-то, но голоса звенят невыносимо громко... заполняют мою голову гулом. И я вою — балладу про конец сна, тот самый мотив, просто чтобы скрыть своё отчаяние за песней. Убаюкиваю саму себя.

— Я позову Милду Торн, — Дормунд морщит нос и с отвращением кривит губы. — Она зайдёт к вам после аудиенции у короля.

— Слушайся его, Дормунд, — успеваю я прошептать вслед уходящей процессии, прежде чем за ними закрывается дверь. — И всё будет по-другому.

Я вновь остаюсь одна в своих покоях — маленькая, ненужная, безумная принцесса. Я способна останавливать время и создавать артефакты, меняющие его ход. Я — истинная Иверийская наследница. Но что толку от величайшей из магий, если я неспособна повлиять даже на своего сына?

— Отец! — снова зову я, обращаясь к флажкам. — Ты был сильным. А я — слабая. У меня ничего не получается.

Жалость к себе самой заполняет меня всю, до кончиков ресниц. Я поднимаюсь и на дрожащих ногах иду к балкону. В жизни нет радости. В жизни нет любви. Это иллюзия, обман для простолудинов, чтобы отвлекать их от политических решений и несостоятельности власти. Именно так учила меня Милда Торн, мудрейшая из женщин.

Королям и королевам не позволено любить и быть любимыми. Но, может... может, в пекле Толмунда я встречу того, кто почти не замечал меня при жизни? Своего отца. В пекло ведь попадают все, кто лишает жизни — других людей или себя.

Я иду к тебе, отец... Взбираюсь на широкие перила балкона и смотрю вниз без страха и сожаления. Наверное, кто-то другой смог бы оценить красоту Лангсорда — кто-нибудь, кто не видел его с самого рождения. Но шум его каналов я уже не слышу, он заглушается биением сердца в ушах.

У подножия замка раскинулся королевский сад с каскадом сияющих водопадов, заполненный людьми от белоснежных стен до самой площади. Отсюда виден новенький Преторий — первое консульство Квертинда. Я видела его в разные времена и знаю, что он простоят ещё долго. Кто-то сильный непременно сохранит его и защитит. Кто-то, но не Везулия Иверийская. И самое главное...

— Кто-то должен снять эти проклятые флажки, — шепчу я и делаю шаг в прекрасную пустоту.

Я лечу над Квертиндом, сердце бешено колотится, подсакивая к горлу. И дышу... всё ещё дышу...

Я резко вдохнула, пытаясь унять сердцебиение. Моё лицо намокло от слёз и холодного пота — как всегда бывает после видения. Воздух с шумом или скорее даже со стоном ворвался в мои лёгкие, плечи задрожали. Мех горжетки прилип к щекам. Распростёршись на диванчике, я подняла глаза к потолку, обитому алой тканью с россыпью мелких корон.

— Да что же это опять, ваша милость! — запричитала Нэнке, обмахивая меня веером. — Вам бы в постель теперь, отдохнуть.

— Нет, — выдохнула я в ответ. — Сейчас пройдёт. Перестань, Нэнке.

Я некрасиво хлопнула носом и сразу же приняла из рук обиженной сиделицы вышитый платок. Инициалы напомнили мне, что я не Везулия, а Ванда Ностра. И я непременно должна научиться жить.

«Везулия Иверийская была нездорова и вследствие своей болезни покончила жизнь самоубийством в 64 году от коронации Тибра Иверийского, не выдержав новости о престолонаследии своего сына» — так написано в учебниках Квертинда. Каково было первой истинной Иверийской наследнице на самом деле, теперь знаю только я. И, возможно, Великий Консул Камлен, что молча держал меня за руку, пока я пыталась прийти в себя. Мы с ним храним несметное множество тайн, которые не имеем права раскрывать никому или хотя бы обсуждать друг с другом.

Я слабо сглотнула, успокаиваясь.

Дилижанс уже выехал на площадь, оставив позади Иверийский замок и тот самый балкон, с которого бросилась моя недавняя проводница.

Сейчас у дворца было так желюдно, но вместо траурных флажков висели праздничные, разноцветные, переплетённые с рябиновыми бусами. Большой фонтан переливался семью разными цветами, переплетал струи воды и играл бликами на поверхности огромной короны, покрытой пластинами сусального золота. Ему вторил плеск каскада водопадов у подножия Иверийского замка, едва различимый за шумом площади.

Лангсортцы праздновали начало нового года и встречали осень. Люди веселились, пели, смотрели выступления уличных артистов, ели сладости. Некоторые расположились прямо на

зелёных островках травы, обрамляющих площадь, наслаждаясь мягкими лучами и потягивая вязкие напитки. Ленивое солнце разлило вдоль шелковисто-гладкой мостовой густую прозрачную медь, почти осязаемую, тягучую, как масло райского дерева.

— Остановите здесь, — попросила я хрипло. — Хочу прогуляться.

— Мы почти приехали, Ванда, — Камлен нарочно выделил моё имя, чтобы напомнить мне о том, кто я есть. — В Претории ты сможешь принять лауданум, прилечь и восстановить силы.

— Я не хочу лежать! — взмолилась я. — И не хочу лауданум. Я хочу попробовать жизнь!

Мимо пронеслась карета, запряжённая резвой тройкой. Этот вид транспорта уже почти вытеснили дилижансы, общественные и личные, но многие квартиндцы все ещё предпочитали силу живых коней энергии пара. До меня донеслись мелодичные звуки струн и раскатистый нестройный хор пассажиров.

— Тут нельзя, ваше сиятельство, — снова затараторила Нэнке. — Знаете ведь, какая вы ценная персона для Квертинда. А вокруг простолюдины и попрошайки. Воришки, пройдохи и просто твердолобые остолопы. Они пьют вязкий бузовник и закусывают горячими сайками, почти не пережёвывая! Нечего вам с ними прогуливаться. Вот вернёмся домой — я вам стоговаю мармелад из свежих ягод; Лерна-лентяйка уже и бруснику процедила, и смородину, настоящий вкус жизни попробуете!

Я обернулась, бросив ещё один взгляд на Иверийский замок. Два золочёных шпиля вздымались над белоснежными стенами, как две воздетые к небу длани. Зажатые в них часы мерно тикали, отсчитывая мгновения между прошлым и будущим. А за ними белели шпили помельче, выгибались арками высокие окна, сбегали каскадами ступени, соединяя многочисленные балконы...

— Остановите! — потребовала я во весь голос в порыве неизвестно откуда взявшейся решимости.

Или известно. Мне нужно было доказать всем и в первую очередь самой себе, что я не Везулия, которая покоряется воле каждого, кто пробует её помыкать. Которую сломил Квертинд, как и многих до и после неё. Принцесса была заперта в клетке

чужой воли и королевского замка так же, как я в этом дилижансе. Я задыхалась ещё чаще, промакивая платочком лоб.

— Да остановите же! — неприлично громко, почти срываясь на визг, воскликнула я.

Камлен Видящий молча постучал по стенке, и дилижанс пыхнул, заскрипел и остановился. Я потянулась к дверце, но она распахнулась сама, являя нам сосредоточенного стязателя.

— Что случилось? — он спешно оглядел каждого из нас троих. — Позвать целителя?

— Я хочу прогуляться, — ровно, но сохраняя прежний напор, сообщила я.

Сопровождающий стязатель с подозрением покосился на Великого Консула, но тот промолчал. С некоторых пор Камлен прилюдно не оспаривал мои решения, даже если был с ними не согласен. За это я была бесконечно благодарна слепому старику, хотя из благоразумия почти никогда не пользовалась его расположением и предпочитала все свои идеи обсуждать заранее. Но сейчас мне была просто необходима эта спонтанность, внезапная взбалмошность, которая присуща юным леди. Да, именно сейчас, после гнетущего видения принцессы, которая так и не нашла своего места в жизни, мне хотелось быть той, кем я являлась. Нет, не только ценнейшей прорицательницей Квертинда, которую прочили на место Великого Консула, но ещё и молодой девушкой, которая может чувствовать и радоваться простым праздникам.

— Мне приказано вас сопровождать до Претория, — не то согласился, не то возразил стязатель.

За спиной его отрывисто фыркал чёрный конь, ради торжественного дня украшенный нарядной попоной. Одинокие всадники всё ещё предпочитали породистых лошадей, поскольку те были быстрее и манёвреннее любого механизма. Я уже немного растеряла свою решимость и ступала под любопытными взглядами зевак, которые пытались заглянуть в открытую дверцу королевского дилижанса. Мои застывшие пальцы поглаживали вышивку Везулии.

По мостовой застучали копыта — подъехал ещё один всадник, отгоняя людей. Конечно, мы всегда путешествовали по городу в сопровождении многочисленной охраны.

— Я провожу их сам, — раздалось сверху, и всадник спрыгнул. — Здравствуйте, госпожа Ностра. Ваша милость Великий Консул.

Стязатель поклонился Камлену, как того требовал этикет, и старик благосклонно кивнул, хотя не мог видеть приветствия.

— Грэхам! — разулыбался Великий Консул и даже протянул руку.

— Экзарх Арган? — удивилась я. — Вы уже вернулись в столицу?

Верховный стязатель много времени проводил в поездках и всё чаще пропускал советы, лишь изредка появляясь в Претории. Весь последний год, насколько я знала, он был обеспокоен политической обстановкой в Квертинде. Расследования заговоров и преступлений изматывали и самого экзарха, и всю ложу стязателей, а Орден Крона только креп и набирал силу.

Обычно я избегала кровавого мага, выслушивая его послания через рудвика-секретаря. Не только из-за его магического могущества и высокой должности, но и из-за слишком пристальных взглядов в мою сторону, больше подходящих влюбленному мужчине, чем главе тайной службы.

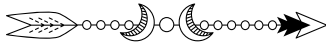
— Ненадолго, — он быстро кивнул стязателю, и тот отошёл, отгоняя не в меру любопытных горожан. — Мы почти у Претория, но всё же стоит подъехать ближе. На площади сегодня слишкомлюдно, народ отмечает начало нового краснолунного года. Чем вызвана ваша остановка?

От моего порыва не осталось и следа, и я стыдливо опустила взгляд на вышивку. Холод поднимался по голубеющим венкам, ледяными ручейками растекался по моей коже.

— Мне спlohело от тряски, ваша милость, — после короткой заминки подалась вперёд Нэнке. — Но уже всё прошло, слава милостивой Девейне! Поедемте уже, а?

Сиделица заметно нервничала от близости служителя Толмунда: над ней, как и над многими, в полной мере властвовали религиозные предрассудки. Я не могла её осуждать. Стязатель пугал меня не меньше, чем прочих. От Грэхам Аргана веяло неизбежностью чужой смерти и его собственной тревогой. И мне казалось, что и то и другое заразно.

— Ванда хотела прогуляться, — неожиданно громко известил Камлен. — Ты не мог бы сопроводить её, Грэхам?

Я подняла на Великого Консула уставшие глаза. Он улыбался мне мягко, почти по-отечески. Я знала эту улыбку — она знаменовала все тайны, которые мы хранили, но не могли произнести вслух. Только в этот раз тайна была крошечной и моей личной, и Камлен беззастенчиво выдал её экзарху.

— Это не обязательно, — мне не хотелось доставлять неудобства одному из членов Верховного Совета, да и целой процессии заодно. Но Грэхам Арган неуверенно подал мне руку. Он явно сомневался, что я приму её. Должно быть, экзарх стяжателей больше других страдал от недоверия и страха, которым в нашем королевстве встречали всех кровавых магов в бордовых перчатках. Это было испытанием для нас обоих. И именно поэтому я оперлась на мужскую ладонь.

Моя бледная рука утонула в мягкой замше с гербовым оттиском, отчего сердце вдруг забилось часто, но радостно. Слабость от потери магической памяти всё ещё донимала меня, и я почти рухнула в мужские объятия. Наши взгляды встретились, но лишь на краткий миг. Грэхам Арган отвёл глаза первым, не позволяя себе лишнего.

— Вы уверены, что готовы к пешей прогулке? — спросил экзарх, осматривая площадь.

Внимательные глаза мужчины с огромными почерневшими радужками собранно оценивали окружение, но обе руки крепко держали мой локоть.

— Я этого хочу, — призналась я, опираясь на своего спутника. — Я благодарю вас за эту возможность.

Волнение подхлестнуло меня и придало сил, оно горячило мою кровь и разгоняло слабость. Экзарх тем временем отдал несколько кратких распоряжений, обеспечив охрану кареты и нашей маленькой прогулки.

Нэнке, охая, попыталась спуститься со ступенек дилижанса, но Камлен не позволил ей выйти наружу, и недовольная сиделица вернулась обратно. Двое вооружённых мужчин тут же двинулись вперёд, на шаг опережая нас, расчищая дорогу и загораживая обзор. Но даже так мне была прекрасно видна почти вся многолюдная площадь Тибра, раскинувшаяся перед Преторием.

Простолюдины изумлённо раскрывали рты, показывали на нас пальцами, но охотно расступались перед процессией. Толпа на мгновение застывала при нашем приближении, а потом вскипала бурным потоком. Более знатные горожане приседали в неглубоких поклонах, выражая приветствие и почтение.

Браслеты на запястьях звенели в такт моим шагам и музыке, под которую хороводом двигались молодые леди. В их косах плясали блестящие монетки и алые ленты, лёгкие платья разлетались в танце, щёки горели. Должно быть, как и мои собственные. Я уже готова была броситься вслед за весёлым хороводом, но стязатели легко задержали меня, не позволяя вырваться из оцепления.

Потревоженные воробьи взмыли в воздух, едва не опалив крылья о взлетающие к небу факелы. Жонглёры собрали вокруг себя немалую толпу, подбадривавшую их восхищёнными выкриками. От суеты и толчеи у меня тут же закружилась голова, но как-то по-особенному — не тоскливо, не болезненно, а дурманяще счастливо. Захотелось сменить тугую шнуровку корсета на простую холщовую одежду и затеряться в толпе горожан, взмыть над площадью пташкой, чтобы беззаботно предаться всем радостям праздника.

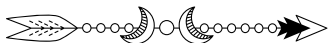
Мостовая вокруг огромного фонтана кружилась пёстрыми пятнами, больше похожими на красочные картины, чем реальный мир.

Прямо у меня на глазах у одного из увлечённых горожан представительный господин срезал тонким стилетом расшитый кисет. Я хотела было возмутиться, но Грэхам Арган лишь усмехнулся и даже не отправил стязателей предупредить городских. Блюстители порядка веселились сегодня наравне с простыми горожанами и, казалось, напроочь забыли о своих обязанностях. Ложа стязателей и вовсе не имела никакого отношения к мелким кражам и уличным беззакониям.

— Во время празднеств власти снисходительно смотрят на человеческие грешки, — объяснил экзарх. — Предаваясь земным радостям, люди забываются и становятся лёгкой добычей.

Я видела, какие взгляды он кидал на меня украдкой. Шаг мой был лёгким, почти невесомым, но в утомлённом разуме каждое движение отдавалось тревожным гулом. Мои кудри растрепал

лёгкий ветер, распространив в воздухе аромат мяты, но пара прядей прилипла ко лбу, не желая вовлекаться в кокетливую игру. От усталости я задышала чаще.

— Может быть, всё-таки вернёмся в Преторий? — учтиво предложил экзарх.

— Расскажите мне о них, — я кивнула в сторону восторженной публики, столпившейся возле уличного театра.

Верховный стязатель не стал настаивать и уличать меня в пренебрежении его заботой, только подался следом за мной ближе к импровизированным подмосткам. Над собравшимися возвышались двое актёров на высоких ходулях. Их речь снизу было трудно расслышать, но толпа помогала понять происходящее, содрогаясь от смеха, а порой даже присвистывая.

— О простых квартирндцах? — удивлённо уточнил Грэхам Арган и тут же продолжил: — Удивительно жизнелюбивый и стойкий народ. Почти неистребимый и удивительно постоянный в своих незатейливых желаниях. Толпа всегда хочет хлеба, зрелищ и любви.

— О, само собой. — Мы подошли почти вплотную к комичному представлению. — У народа всегда есть время для глупостей. Лишь королям вечно не хватает ни времени, ни самой жизни.

— Чёрный Консул! — донеслось сверху. — Прочь с моей дороги к престолу!

Один из актёров на ходулях, совсем ещё юнец с приклеенной бородкой, угрожал бутафорским мечом своему оппоненту. Очевидно, он изображал консула-наместника Галиофских Утёсов. Орлеан Рутзский с началом этого года отправился в испытание изгнанием, и его кресло в Верховном Совете пустовало — так же как и кресло Консула лин де Блайта. Об этом говорил весь город, и это был ещё один повод для торжества.

— Вы возжелали мою единственную любовь, Консул Рутзский! — забасил выкрашенный сажей актёр. — Мой возлюбленный Квиртинд! За это я выпью вашу кровь!

Актёр запрокинул голову и расхохотался с наигранной злобой в голосе.

Юнец зарычал и кинулся в атаку с таким пылом, что кудри его растрепались и он чуть не потерял ленту из своей причёски. Представление на миг прервалось, пока незадачливый лицедей

поправлял волосы. Народ улюлюкал и потешался над столь неправдоподобным промедлением. Я ласково улыбнулась экзарху, лицемерно убеждая его в своём превосходном самочувствии.

— По правилам дуэлей вы не можете применять магию! — наконец вернулся в игру юный Консул Рутзский. — Умрите достойно!

Он снова бросился в бой, едва не задев ходулями толпу. Своим лёгким мечом он орудовал неожиданно умело, как будто брал уроки фехтования. Консул лин де Блайт отбивался одной рукой, а в другой держал яблоко, которое грыз, не забывая при этом встречать каждую новую атаку своего политического конкурента преувеличенно ехидной гримасой. В какой-то момент юный лидедей слишком увлёкся схваткой — должно быть, чуть больше, чем актёрской игрой, и мне на мгновение показалось, что дуэль может перерасти во вполне реальную. Тот из актёров, что изображал Консула лин де Блайта, посерьёзней и покрылся потом. На измазанных сажей руках проступили светлые дорожки от стекающих капель.

— Победитель очевиден, — прокомментировал Грэхам, до этого молча наблюдавший за представлением. — В своём яростном неистовстве господин с лентой упускает главное: внимание к деталям и контроль над ситуацией. Такими темпами он быстро окажется не у дел.

Экзарх Арган говорил не об актёрах, а об их реальных прототипах. В отличие от него, я ни в чём не могла быть уверена — слишком близко была знакома с историей Квертинда. Что же касается представления... молодой боец был проворнее и уверенней. Но, словно в подтверждение слов стязателя, клинок уже не слишком чёрного Консула достал бок юнца, и тот ошарашенно отшатнулся, не веря в своё поражение. Актёр быстро нашёлся и принялся изображать ранение, громко зывая к богам и заунывно требуя к себе целителей.

— Но откуда вы знали? — воскликнула я. — Мне итог казался совершенно непредсказуемым!

Окружившие актеров люди одарили меня новой волной пристального внимания. Я прижала ладонь к груди и кивнула простолюдинам, и была вознаграждена аплодисментами и восторженными возгласами, причём в степени не меньшей, чем

актёры. Стязатели вокруг напряглись, готовые к защите. Увы, я уже успела стать настолько известной фигурой в Квертинде, что скрыть свою личность или хотя бы заставить других в ней усомниться было почти невозможно. Я ещё не совершила ничего, стоящего внимания, но слухи и пересуды о бледной прорицательнице уже были раздуты до невероятных масштабов.

— У меня был хороший учитель. — Грэхам подозвал к себе девушку с большой корзиной пёстрых цветов, и охранники неохотно расступились перед ней. — Который, надеюсь, вскоре станет хорошим правителем.

Конечно, я знала, кто был наставником Грэхама Аргана. Человек, чьё имя произносили почти с таким же благоговением, как и имена величайших королей Иверийской династии, и который был в изгнании вот уже целый год. Мы все ждали его возвращения или хотя бы весточки о его благополучии. Для меня это было особенно важно, поскольку консул-наместник полуострова Змеи воплощал в себе надежды на успешное разрешение конфликтов, окружавших Квертинд со всех сторон. Внешние и внутренние угрозы тревожили меня не меньше, чем Грэхама Аргана, но, в отличие от него, я не имела ни малейшего представления о фехтовании, сражениях или командовании армией. Да и где мне было научиться, девочке, едва научившейся контролировать саму себя?

— Надеюсь, он обучил вас не только правилам войны, но и правилам победы? — попыталась пошутить я.

Получал ли экзарх Арган распоряжения от своего покровителя? Этого я спросить прямо не могла.

Цветочница протянула мужчине алый плотный бутон с подрагивающими на лепестках хрустальными каплями росы, но стязатель сам безошибочно выбрал орхидею, что выделялась бледным мазком среди буйной яркости корзины.

— Чтобы побеждать, нужно быть достойным победы. Это правило первое. — Он насмешливо протянул мне нежную ветку с гроздьё белоснежных соцветий. — И второе, — Грэхам Арган помедлил, на этот раз вполне откровенно рассматривая меня, — нужно быть хищником, а не добычей.

Разве мы всё ещё говорили о политике, как преданные подданные королевства?

— Будьте осторожны, экзарх Арган. — Я приняла его подарок, ощущая, как трепещет и замирает в томлении моё беспокойное сердце. — В лабиринте историй Квертинда за каждым поворотом затаилась неизвестность. А это самый опасный враг даже для хищников. Ваш наставник только намеревается стать правителем, а мой уже правит последние пятнадцать лет.

— Значит, у вас тоже есть свои правила, — голос у Грэхам был хрипловатым, как скрежет заржавевшего механизма шка-тулки.

— И они меня полностью устраивают, хоть устанавливала их и не я. — Вместе с ароматом орхидеи я глубоко вдохнула воздух праздничной площади, вязкий от запахов карамели, сдобы и некоего благостного народного единства. — Знаете, мне здесь очень нравится. Я очарована праздничными гуляниями. Впервые вижу их так близко и тем более впервые участвую в них сама хоть в какой-то мере.

— Этот город приносит удачу. — Грэхам покосился на недовольного стяжателя, что прокладывает нам путь сквозь поток людей. — Лангсорт — мечта романтических леди и честолюбцев. Мраморный фасад Квертинда. Город неутешной скорби и грандиозного торжества.

Мужчины в чёрных масках кидали хмурые взгляды на своего экзарха. Вооружённые мечами и кинжалами, снабжённые боевыми артефактами, впитавшие чужую смерть кровавые маги тяготились прогулкой. Они привыкли к иному окружению, и бездействие угнетало служителей ложки. Но моё слово значило для них не меньше, чем слово Грэхам Аргана. И сейчас я требовала подчинения, пусть даже собственной прихоти. После видений голоса почти не донимали меня, и я наслаждалась окружением, звуками жизни и веселья. И всё же мне захотелось напомнить присутствующим, кем я являюсь в первую очередь.

— Экзарх Арган, я прекрасно понимаю, что Квертинд — это не только прогулки, нарядные горожане и белый мрамор столицы. Я молюсь за здоровье Великого Консула и за успешное окончание изгнания вашего наставника, но пути Квертинда неисповедимы. Йоллу сообщает в отчётах, что Орден Крона со своей утопической идеологией привлекает всё больше сторонников. Ваша ложка покуда сдерживает их вероломство, но вскоре

чаша весов может качнуться в их сторону. — Мы приблизились к белокаменной аркаде, и я, приветственно кивнув удивлённой чете Молливер в окружении не менее удивлённых слуг, продолжила: — Но и это ещё не всё. Веллапольское княжество требует незамедлительного заключения брачного союза и вряд ли станет ждать несколько лет. Мне страшно представить, что случится, если Консул лин де Блайт не сможет успешно завершить последнее испытание.

— Вы ведь не имели чести быть представленной ему? — уточнил Грэхам Арган. — Поверьте, если бы вы знали Консула лин де Блайта, навряд ли вы нашли бы причины в нём усомниться. Миновало уже больше половины срока его изгнания. Вскоре он вернётся новым королём. Нет повода для беспокойства. Но, впрочем, я убеждён, что ему были бы приятны ваши молитвы.

В синем небе, пронзённом шпилями башен, замелькали птички крылья. Где-то вдали колокола разразились торжественным ликующим звоном: в соборе Семерых началась служба. Над толпой разнеслось величественное: «Во имя Квертинда!»

— Во имя Квертинда! — негромко воскликнула я, подхватив радостные возгласы толпы, и более тихо обратилась к своему спутнику: — Мне бы хотелось, чтобы властители судеб дрались между собой, а мне оставалось только молиться за благополучный исход сражения. — От быстрой ходьбы у меня вновь закружилась голова, и я ненадолго остановилась, одергивая платье. — Но я должна быть готова однажды возглавить Верховный Совет, а с ним и целое королевство.

— Вы ищите союзников, — понятно кивнул стязатель. — Та ещё эпоха досталась нам с вами, госпожа Ностра. Должен сказать, что вы можете рассчитывать на мою помощь, поскольку я бесконечно предан ложе и королевству. Это на самом деле так. Но ещё я уважаю Великого Консула Камлена и верю, что не только ваш дар повлиял на его решение назвать вас своей преемницей. Теперь и я симпатизирую вам. Могу я попросить вас называть меня по имени, Ванда? Ванда?!

Недавняя потеря магической памяти обессилила меня, и мои ноги подкосились. Грэхам помог мне устоять. Преторий был совсем близко, но мне не хотелось возвращаться в его душные

комнаты с высокими потолками, где меня уже ждал Йоллу с отчётом. Компания экзарха была куда более приятной.

— Я в порядке. — Я поймала шаткое равновесие. — Это всё слишком тугой корсет. Я вполне сносно себя чувствую.

Экзарх Арган с сомнением посмотрел на моё платье под тёплой накидкой, но я поспешно отвернулась. Моё внимание привлекла группа людей, из-за спин которых доносилась музыка.

— Ваша милость, — не выдержал один из стязателей, — нам нужно торопиться. Жорхе Вилейн прибыл по вашему вызову из Астраи́та и ожидает в Претории.

— Ванда...

— Госпожа Ностра, — быстро поправила я Грэхаму, чтобы не терять авторитета в глазах его подчинённых. — Что ж, не хочу вас задерживать. Но мне здесь так понравилось! Надеюсь, вы достаточно доверяете своим людям, чтобы позволить мне ещё немного насладиться праздником?

Не дожидаясь ответа, я оставила задумчивого Грэхаму принимать решение, а сама двинулась на звук чарующей мелодии. Чудесная рапсодия заворожила меня, поманила своими переливами. Из-за опустошения магического предела грудь мою колола россыпь ледяных кристаллов, на висках выступал ледяной пот, но осанка моя была безупречной, а поступь — твёрдой. Я запрещала себе страдать. Если вся жизнь — это мука и преодоление, то когда же быть счастливой?

Экзарх Арган за мной не последовал, и к холодным уколам усталости добавилось ядовитое разочарование. Не стоило ожидать, что Верховный стязатель предпочтёт мою компанию неотложным делам логи. И это правильно. С моей стороны было неуместно и наивно надеяться на его дальнейшее сопровождение, хоть я и желала этого всем сердцем.

Неожиданно мир вздрогнул, и я пошатнулась, уже сожалела о том, что отказалась возвращаться в Преторий. Однако с некоторым усилием я вернула себе достойный вид и поспешила слиться с людьми, увлечёнными магией создания баллады.

Что это за музыка? Удивительно знакомая и близкая. В центре толпы мелькнули жёлтый кафтан и пёстрая лютня, которые и были источником мелодии. На миг я даже забыла о дурном самочувствии, заслушавшись. Тем более что к мелодии добавилось пение:

*Сияла ты звездой, слепила ярким светом,
Душа была чиста, и так лазурен взор.
Ты следовала сердцу и читала все запреты,
Но вынесла в итоге кровавый приговор.*

*Под каплями дождя тяжёлый выбор сделан,
И в чёрный пепел бури выжжена душа.
Пусть горькою ценой, но ты теперь прозрела —
Труднее всех тому, кто вынужден решать.*

*Пусть страшно сделать шаг во тьме новорождённой,
Обратного пути уже не отыскать.
Коварное наследство гнетёт, как мост сожжённый,
Который подожгла предательница-мать.*

*Желаешь управлять судьбой своею лично,
Но ходишь по чужому лезвию ножа —
Того, кто может вмиг приказом единичным
Укоротить тот срок, что будешь ты дышать.*

Воздух дрожал вместе со струнами от каждой ноты, секунды покорно складывались в узор мелодии, ведомые магией Нарцины неизвестного менестреля.

— О лин де шер, прелестное создание! — Бард увидел меня в толпе, и музыка прервалась. — Вы словно голубка среди вороньей стаи! Ваша чувственность и нежность делают меня совершенно влюблённым!

Поэт направился прямо ко мне, пробираясь сквозь растущую толпу. Моя охрана преградила ему путь, но я сама протянула руку, чтобы этот талантливый почитатель Нарцины мог приложиться к ней губами. Мотив вернул меня в видение, и я вспомнила Везулию, которая напевала его. Должно быть, она смотрела сквозь вечность на этого же барда. Возможно, даже видела меня прямо сейчас, как я видела её...

— Бард, — я проследила, как невысокая фигура в пёстром, шитом разноцветной вязью камзоле склоняется над моей ладонью, — твоя баллада кажется мне знакомой. О чём она?

— О Квертинде, конечно, моя госпожа! — с жаром воскликнул маг склонности Нарцины. — И о любви. О том, как она, подобно цветку, произрастает под тяжёлым гнётом вой-

ны, лишений и безумств. Но прямо сейчас я растерял всё своё вдохновение, совершенно околдованный вашим сиятельством. Мне хочется творить только о вас и для вас, о белоснежная муза величия и чистоты!

— Полагаете, я достойна музыкальной строфы? — голос мой сел, упал до шёпота от болезненной слабости и переживаний. Очень некстати, потому что сочинитель расценил это как знак кокетства, и осыпал мою ладонь поцелуями.

— Вы достойны не просто строфы, а отдельной поэмы, — горячо прошептал менестрель, обжигая мою кожу дыханием. — Позвольте угостить вас...

Окончания фразы я не услышала: к горлу подступила дурнота, мир вокруг меня стал призрачным и нереальным. Взор затуманился, площадь поплыла перед глазами, рассыпаясь кусками обветшавшей мозаики. Рука уличного музыканта оставалась опорой, связью с миром живых, которую мне не хотелось терять.

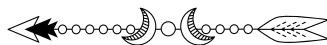
— Ты стоишь перед будущим Великим Консулом, бард. — Один из стяжателей легко оттолкнул певца, лишая меня поддержки.

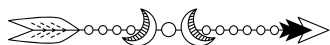
— Эээ... Пожалуй, мне всё же стоит закончить уже начатую балладу, — спешно поклонился бард, едва не уронив свой берет, и попятился, переводя боязливый взгляд мне за спину. — Исключительно по этой причине спешу откланяться... Прошу простить, лин де шер... Ваше сиятельство будущий Великий Консул.

— О ком... — слова давались мне с трудом, буйство красок плясало перед глазами, сливаясь в мутные пятна. — О ком эти строки?

Бард не ответил, развернулся и поспешил затеряться в толпе, нервно оглядываясь. Я попыталась его окликнуть: сквозь нарастающую дурноту всё же пробивалось ощущение, что перепуганный поэт уносил с собой важные ответы, которых мне сейчас так не хватало. Я вновь пошатнулась от слабости и рухнула бы на пол, но тут ноги мои взмыли в воздух, и я успела только тихо вскрикнуть. В один миг я оказалась на руках у Грэхамы Аргана под дружное аханье толпы.

— Надеюсь, теперь вы не станете возражать, если я отнесу вас в Преторий? — уточнил он.

Я только слабо кивнула, прижимаясь к твёрдой груди и прячась за веткой орхидеи. Теперь я плыла сквозь площадь, словно лебедь через беспокойное море. Не только тело моё обрело опору, но и дух: в тёплых объятиях экзарха я балансировала на тонкой грани беспокойства и желания, и эта сладкая истома была самой яркой и живой эмоцией из всех, что мне доводилось испытывать. И я снова улыбалась.

Один из сопровождающих стяжателей распахнул перед нами дверь. Я крепко, до боли в костяшках вцепилась в алые лацканы плаща, из-под опущенных ресниц рассматривая экзарха. Грэхам Арган — человек высокий, сильный и крепкий. Божественный скульптор, что поработал над его внешностью, обошёлся грубыми инструментами, оттого черты лица вышли резкими и угловатыми. Во власти этого выносливого мужчины изменять человеческие тела, превращать живые создания в восковые манекены. Его природа — уничтожать и ломать, но сейчас он спасал меня. Я прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться на том тепле, что давали мне его объятия.

Если бы во мне была хоть капля гордости или самодовольства, я бы непременно возмутилась неподобающим поведением Верховного стяжателя. Но мне слишком хотелось насладиться жизнью, включая самую волнующую и пикантную её часть.

— Ты такая хрупкая, — едва слышно прошелестел у моего виска Грэхам Арган, бережно опуская меня в потёртое кожаное кресло. — Госпожа Ностра.

— Мне уже лучше, — я ответила ему сдержанной улыбкой. — Благодарю вас за заботу, экзарх Арган. Квертинда не забудет ваших заслуг.

— Квертинда... — он ухмыльнулся. — Впервые мои обязанности были такими приятными. Сегодня я украл вас у Квертинда.

— Вы флиртуете со мной, экзарх? — Я попыталась выпрямиться в кресле.

И только сейчас заметила, что Грэхам принёс меня в свой кабинет — кабинет экзарха. Передо мной возвышался массив-

ный стол, обитый зелёным сукном и заваленный донесениями на служебных пергаментях. По одной из стен тянулись шкафы с книгами о военном искусстве, блестели тупыми остриями наградные мечи и шпаги. На другой стене расположился целый букет штандартов и стягов — бордовых Иверийских и прочих, в цвет знамён знатных родов Квертинда. У высокой двустворчатой двери, положив руку на эфес клинка, замер стязатель из моей недавней охраны. Он изо всех сил старался не смотреть в мою сторону, но я знала, что смущаю кровавого мага. Сам же хозяин кабинета отступил к дальней стене, на которой висела картина с изображением страшного суда Толмунда.

— Ну, что вы, ваше сиятельство. — Он рывком раздвинул плотные шторы, открыл окно. В комнату ворвался солнечный луч, и в нём заплясали золотые пылинки. — Я просто выполняю свои прямые обязанности. Изначально ложа стязателей была создана не для расследования заговоров, а для охраны величайших королей прошлого. Иверийская династия мертва, но благополучие первых лиц Квертинда — первоочередная задача экзарха. Так что ничего личного, госпожа Ностра.

Грэхам подал мне стакан воды и вновь впился в мое лицо жёстким, требовательным взглядом.

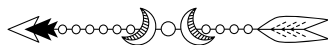
— Конечно, — подтвердила я. — Ничего личного.

Эти бессмысленные слова царапали горло, как пригоршни пепла, и только глаза кровавого мага, в каждом из которых давно поселилось крохотное затмение, говорили правду. В них был интерес и сокровенное желание. В них как будто замерло грозное облако посреди летнего дня, и я почти чувствовала запах свежей травы перед дождём... но этого, конечно же, не могло быть. Потому что каждый из нас жил в ледяном замке, где никакой травы никогда не было.

— Рондин, — обратился Грэхам к подчинённому, не отрываясь от меня. — Позови ко мне Жорхе Вилейна. Я приму его прямо сейчас.

— Мне проводить госпожу Ностру в кабинет к Великому Консулу? — спросил Рондин, переминаясь с ноги на ногу.

— Нет, госпожа Ностра будет присутствовать. — Грэхам даже не взглянул в сторону стязателя. — И ещё, Рондин. Тебе

нужно принять назначение в Астраи́т вместо Жорхе Вилейна. Завтра отправляешься на полуостров Змеи, в штаб по борьбе с Орденом Крона. Военный лагерь расположился под Каткитом, там необходимо руководство преданного стяжателя.

Грэхам Арган отвернулся, и встрепенувшийся в груди восторг сорвался в полёт, отскочил буйным вихрем от стен и закружился перед моими глазами пыльным ураганом. Я глотнула ещё воды, прогоняя наваждение.

Экзарх поднял со стола заверенный печатью свёрток и вручил его стяжателю. Тот принял приказ с коротким кивком, но помедлил, кидая на меня недоверчивые взгляды.

— Иди, Рондин, — указал на дверь Грэхам. — Пока это всё.

Стяжатель постоял ещё немного, словно надеясь, что экзарх переменит своё решение, но потом поднял сплошной чёрный воротник и спрятал за ним лицо.

— Достойной дороги Толмунда, экзарх Арган, — попрощался Рондин, открывая дверь.

— Достойной, стяжатель, — отозвался Грэхам.

Я скинула душную накидку и осталась в тонком платье. Гром браслетов внезапно сделался резким, раздробил плотную, почти осязаемую напряжённую тишину. Игра зарождающейся страсти влекла меня, хотелось глотнуть ещё — нет, не воды, а этого томительного волнения. Тем более сейчас, когда мы наконец остались наедине. Но Грэхам вместо этого принял строгий вид, поправил перчатки, одёрнул алые лацканы.

— Жорхе Вилейн должен был стать экзархом вместо меня, — бесцветно сообщил мужчина, вглядываясь в узкую щель между приоткрытыми ставнями. — Но он отказался от этой должности. Не существует более преданного и деятельного человека в ложе. Он всегда был и остаётся примером для всех нас.

— Зачем вы оставили меня в кабинете? — Я не могла сдерживать обиды в голосе, но всё же постаралась включиться в разговор о делах. — Я же вижу, как сильно досаждаю служителям ложи. Мне не нужно прибегать к своему дару, чтобы предсказать недовольство Жорхе Вилейна.

— У него будет куда более весомый повод для недовольства, — покачал головой Грэхам. — А вам я хочу доказать свою преданность. Вверить в ваши руки секреты королевства, кото-

рыми вы могли бы погубить Квертинда... и меня лично. Хотите вы быть властительницей судеб или нет, но должность Великого Консула потребует от вас изматывающей вовлечённости, невзирая на вашу мягкость и болезненность. Позвольте мне сопроводить вас на этом, как вы выразились, неисповедимом пути Квертинда, как я сопроводил вас сегодня на прогулке. Госпожа Ностра...

Медленно и напряжённо, как барс перед прыжком, Грэхам стянул свои перчатки и небрежно кинул их на стол, прямо поверх свёртков и служебных бумаг. А потом протянул мне руку с пугающими мутациями, дроблённую частыми молниями. Смертоносное магическое оружие главного палача Квертинда — ладонь, впитывавшая эфир прерванных жизней.

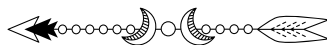
Я видела, что экзарх Арган сомневается. В том ли, что мне стоит открывать тайны, или в том, захочу ли я их узнать. Или... просто боится моей безгловости.

— Грэхам, — я нарочно медлила, наслаждаясь его замешательством, — и кто же из нас теперь ищет союзников? Решили удивить меня губительным секретом? В таком случае вы имеете весьма смутное представление о прорицателях. Порой тайны даже ценнее крови. И если бы от чужих тайн моё тело изменялось так же, как ваше — от чужой крови, то на мне уже давно не осталось бы бледных просветов. Вы ведь не думаете, что будете отдавать приказы за моей спиной, а я буду лишь топтать ножкой в такт?

— Я не пытаюсь вас удивить, Ванда, — оправдался Грэхам. — И не пытаюсь использовать. Я лишь хочу доказать свою преданность и завоевать ваше доверие. Возможно, у меня не очень хорошо получается, но ведь вы ещё и препятствуете!

Он почти выплюнул последние слова, отдёргнул руку и заметался по кабинету, рассерженный моим непониманием. Но у Квертинда был бы плохой экзарх, если бы у этого экзарха была привычка быстро сдаваться. Грэхам в один миг оказался рядом со мной и рывком развернул к себе моё кресло.

— Послушайте, — мужчина опёрся ладонями о подлокотники, угрожающе нависая надо мной, — госпожа Ностра... Ванда. Я, как и все в Верховном Совете, понимаю ваше положение. Если завтра вы останетесь без покровителя, Квертинда уничтожит вас.

А я предлагаю свою помощь, потому что... Толмунд! Да, потому что вы мне небезразличны!

Ресницы Грэхам дрогнули, и он всё же не выдержал — опустил взгляд на мои губы. Протянул ладонь, чтобы коснуться моего лица, но замер в нерешительности.

— Всё-таки личное, — прошептала я и подалась вперёд, прильнув щекой к его пальцам.

От тёплого прикосновения мужской ладони я задрожала, как осенний лист на ветру. Грэхам облегчённо выдохнул, прижался лбом к моему и заглянул в глаза.

— Я хочу беречь тебя, Ванда, — прошептал он мне в губы. — От всех бед или хотя бы от отчаяния, если беды всё же не минуют тебя.

Я накрыла его ладонь своей, выражая согласие с его желанием и подчиняясь собственному. Чувственность звенела во мне алой струной арфы — низко, утробно, протяжно. Мне хотелось продолжения. Хотелось его ласк, поцелуев и обещаний. Но стук в дверь прервал наше томительное единение, и я смущённо отстранилась.

Грэхам горько зажмурился, как от острой боли. Потом взял мою ладонь и коротко прижался губами к пальцам.

— Не принимайте мой короткий порыв нежности к вам за полное доверие. — Я насмешливо подала ему перчатки. — Лучше займитесь грязными секретами Квертинда, что скрываются за его мраморным фасадом. Дела не терпят отлагательств, экзарх Арган.

Мужчина усмехнулся и коротко крикнул: «Войдите», скрывая почерневшие ладони под бордовой замшей со сверкающими иверийскими коронами.

Дверь слабо скрипнула, явив нам усталого стяжателя с густо заросшими щеками, с ног до головы покрытого походной пылью. Волосы его ещё хранили золото весенних лучей, но бороду уже щедро пересыпало серебро человеческой зимы. Седина стекала вниз по пушистым бакенбардам и выбеливала густую бороду.

Жорхе Вилейн поприветствовал экзарха, почтительно поклонился мне — не низко и не высоко, тем самым не выражая ни почтения, ни презрения. Поверх его формы стяжателя висел титаль Ревда, который я сочла излишним. Обычно члены ложи

не носили магических тиадей, пользуясь только глиняными колбами для свежесобранной жертвенной крови. Традиционный магический накопитель всегда служил для магов знаком отличия, почётным украшением, часто выполнявшимся по индивидуальному заказу. Поэтому его демонстрация стязателем была неуместна, учитывая, как часто по роду его службы им приходилось скрывать свою личность.

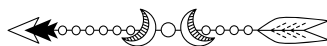
— Вы вызывали меня, экзарх, — произнёс Жорхе Вилейн, со сдержанным почтением глядя на Грэхам.

— Жорхе, я вынужден отозвать тебя с полуострова Змеи, — без вступительных речей начал Грэхам. — Прямо сейчас и надо.

— Мы едва наладили контроль над удалёнными провинциями полуострова и установили комендантский час, — сухо отчитался статный мужчина. — Стязатели из моей группы почти не спят, сотрудничая с военными офицерами и возглавляя вылазки в лагерь повстанцев. На полуострове Змеи установилось хрупкое спокойствие. Мы предотвратили восстание в Пеулсе, к западу от Астраиата. Заговорщики из Ордена Крона отправлены в Зандагат, но сейчас, в отсутствие наместника, даже тюрьма не сдержит нарастающее напряжение. Боюсь, смена руководства может обратить в ничто все наши успехи.

— Я видел последние отчёты и внимательно их изучил, — Грэхам Арган обвёл рукой в перчатке заваленный бумагами стол. — Поверьте, мне самому не нравится оставлять полуостров без вашего надзора. Но вы лучший из стязателей в Квертинде, и дело не только в вашем высоком порядке магии Толмунда. Такой аналитический ум, осторожность и внимательность вряд ли способен проявить кто бы то ни было другой. А главное — мы не сомневаемся в вашей безусловной преданности Квертинду. С учётом последних событий это становится чуть ли не самым важным.

— Да, я слышал о предательстве господина Бриана. — Стязатель Вилейн прочистил горло. — Служил под моим началом в прошлом году. Совсем ещё юнец, но талантливый и беспринципный. Он был одним из лучших выпускников в Пенте Толмунда. Тогда я и помыслить не мог, что он способен на такое. Предать Квертинду, напасть на беззащитную девушку...

— Именно поэтому я вас и вызвал, — прервал его рассуждения Грэхам.

— Готов понести наказание за недосмотр, — склонился Жорхе Вилейн.

— Стязатель Вилейн, — экзарх подошёл к нему, — Квертинда не собирается вас наказывать. По крайней мере, не преследует такой цели. Однако новое задание действительно может оскорбить вас.

— Если это воля Квертинда, ничто не сможет меня оскорбить, — отозвался Жорхе.

— Это лишнее доказательство вашей верности, — удовлетворённо кивнул экзарх. — Если бы ложа состояла из таких, как вы, Ордена Крона уже не существовало бы.

— Так в чём моя задача, экзарх? — между густых поседевших бровей мужчины проступила глубокая складка.

Грэхам Арган потёр переносицу, как будто оттягивая время. Потом тяжело вздохнул и заговорил тихо, словно кто-то мог подслушать его прямо в Претории:

— Сегодня ночью вы отправляетесь на Галиофские Утёсы. — Грэхам кинул на меня осторожный взгляд и отошёл к окну, задвинул шторы. — В Кроуниц.

— Насколько мне известно, столица северных земель пока не затронута огнём восстаний. — Дыхание Жорхе Вилейна участилось настолько, что его седые усы зашевелились. — Там нет сражений.

На сосредоточенном лице кровавого мага читалось недоумение пополам с возмущением, которое со следующим заявлением главы его ложи только усилились.

— Вы не будете сражаться, стязатель. — Грэхам не повернул даже головы, словно ему было стыдно смотреть в глаза своего подчинённого.

— Нет? — уже откровенно удивился Жорхе. — Зачем же меня туда направляют?

— Вы будете следить за одной подданной, — пояснил экзарх. — Тайно. Ни она, ни кто-либо из её окружения не должен не то что заметить, даже заподозрить слежки. А окружение у неё очень внимательное, уж поверьте. Поэтому назначены именно вы.

— Мне нужно её убить? — ровно поинтересовался стязатель.

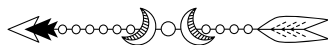
— Только после особого указания. — Грэхам с рассеянным интересом осматривал праздничную площадь, находясь мыслями где-то далеко. — До тех пор вам необходимо всюду следовать за ней. Её имя Юна Горст, она студентка второго курса Кроуницкой Королевской академии факультета склонности Ревда. Отныне вам нужно стать её тенью. Имейте всегда достаточно сил для милости Толмунда. Думаю, не стоит напоминать, что это требует регулярных ритуалов.

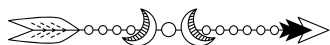
Юна Горст... Я вспомнила эту студентку — одна прядь у неё была такой же белой, как мои волосы. Когда мы виделись в последний раз, она была импульсивным и несмышлёным ребёнком, без малейшего намёка на сознательность. Смеялась в лицо опасности. Я пыталась вспомнить видения, которые были с ней связаны, но они затерялись в памяти среди сотен других жизней. Что-то такое, связанное с ментором и, кажется, с Орденом Крона. Неужели она была настолько важна, чтобы стать одним из грязных секретов Квертинда? Могла ли простодушная девчонка представлять такую угрозу, ради которой из средоточия военных действий отзывали лучшего стязателя? Возможно...

Всё возможно. Великий Консул часто повторял, что пророчества важно сохранять в тайне не в последнюю очередь из-за вероятности неверных толкований. Мы видели лишь обрывки судеб и могли заполнять пробелы в меру фантазии и по субъективной справедливости. Но порой прорицатели упускали важнейшие детали за грандиозными историческими событиями и оказывались неправы. А меж тем маленькие люди были способны влиять на пути королевства не меньше, чем правители.

— Позвольте спросить, чем же эта леди опасна для Квертинда? — Жорхе надул щёки, и жёсткие серебристые бакенбарды распушились.

Я вся обратилась в слух, потому что тоже была заинтересована в ответе. Как будто Юна Горст была моим личным упущением, которое я не смогла вовремя предотвратить... Хотя в те времена моё сознание ещё не было способно фокусироваться на реальности, но я могла что-то заметить. Какую-то деталь, подсказку, лежащую на самом видном месте.

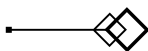

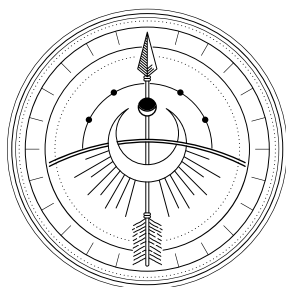
— Не позволю, — развернулся Грэхам и смягчился при виде багрового стяжателя. — Не сердитесь, Жорхе, это приказ. Ответа на ваш вопрос я и сам не знаю. Мы с вами должны исполнять приказы, а не обсуждать их.

— Приказ Великого Консула? — Жорхе Вилейн покосился на меня с неприязнью, как будто заподозрил в причастности к этому унижительному для его чести заданию.

Но я была ни при чём и сейчас удивлялась не меньше, чем сам стяжатель Вилейн.

— Нет, — Грэхам посмотрел ему прямо в глаза. — Это прямой приказ Кирмоса лин де Блайта.

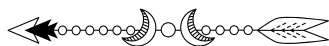
ГЛАВА 3

КАК ПЕРЕЖИТЬ ШТОРМ

Удивительно, но раньше я никогда не замечала, насколько у Сирены мелодичный голос. Она пела тепло, почти ласково, очередной раз напоминая мне о том, что я всё ещё дышу. Конечно же, пела та, прошлая Сирена, называвшая меня подружкой и согласившаяся записать песню, которая будила бы меня по утрам.

Живая же, нынешняя Сирена, явившись вчера на порог комнаты триста двадцать два в окружении коробок и чемоданов, не проронила ни слова. Вежливое приветствие от леди Эстель досталось лишь Фидерике, влюбленной, счастливой и слепой от своего счастья. Весь прошлый вечер подружки неугомонно щебетали, наперебой хвастаясь пережитыми за лето приключениями и своими избранниками.

Я подчёркнуто игнорировала их болтовню, отвернувшись к нефритовым мордам львов-канделябров, но всё равно оказалась невольной слушательницей. Судя по рассказам, серебристая лилия уже успела побывать в горячих объятиях Лонима сразу по приезде в академию, а Фидерика и вовсе провела целый летний месяц в компании «невероятно умного и галантного» Куиджи. «Невег`оятного», — бубнила я себе под нос, иронично ухмыляясь собственной шутке. Казалось, заметно похорошевшая с виду Фида помутилась рассудком: она без конца жаловалась на робость своего возлюбленного, вздыхала о поцелуях и прочих нежностях, на которые Куиджи никак не мог решиться. Я злилась из-за того, что головы подруг занимает какая-то чепуха, но мою досаду

ощущала только насмерть задушенная подушка. По крайней мере, она точно не дышала.

Затянувшееся нарочитое молчание на фоне радостных речей соседок, звенящих до самой ночи, оказалось настоящей пыткой. Поэтому утром я порадовалась, обнаружив, что девушки уже покинули комнату и оставили меня просыпаться в одиночестве.

Просыпаться, само собой, не хотелось. Но сегодня должна была состояться церемония определения для первокурсников, на которую не стоило опаздывать. Промелькнула предательская мысль о том, что мне лучше пропустить сбор всей академии в Церемониальном зале, пусть даже рискуя схлопотать внушение от Джера. Несколько сонных минут я прикидывала, должна ли хорошая мейлори непременно быть прилежной студенткой. С обречённым зевком я признала, что всё-таки должна, и, припоминая свои прошлогодние сборы, когда я второпях вылетела из комнаты, еле успев позавтракать, поднялась с кровати.

Умылась я быстро, и у меня даже ещё оставалось время до завтрака, поэтому я лениво бродила по комнате в одном белье, зевая и разминаясь. Босая ступня нащупала брюки, торчавшие из-под кровати. Кажется, там я их бросила вчера перед сном. Мне было лень наклоняться, так что я ногой подняла часть своей формы и втиснулась в узкую замшу. Над левым коленом темнело пятно, оставленное брызгами кроуницкой уличной грязи. На мой не слишком придирчивый взгляд, почти незаметное. К тому же всю церемонию определения придётся сидеть в зелёном секторе и хлопотать потерянными мальцам, притворяясь, будто мне есть дело до их изначальных склонностей. Сорочка и салатный жилет выглядели чистыми, сырой картошкой от меня на этот раз точно не пахло, поэтому я сочла свой внешний вид вполне приемлемым и принялась шнуровать сапоги.

Как меня примут студенты? Будут игнорировать моё существование, как Сирена? Этого мне не хотелось, но стоило посмотреть правде в глаза: в моём положении это было бы лучшим вариантом из возможных. Только вот я сильно сомневалась, что мне не припомнят обидного прозвища. И избавиться от «сорокиной дочери» будет намного сложнее, чем от «истеричной пустышки».

Пальцы пробежались вдоль шнурков, затягивая их потуже и заталкивая концы под голенище. Меня это не должно беспо-

коить. Пусть называют, как хотят, в их же интересах не вступать со мной в открытый конфликт.

В столовую я заходила, мысленно приказав себе не давать воли собственной кровожадности. Между угрозами и претворением их в жизнь должна оставаться чёткая грань. Не стоит поддаваться вспышкам гнева и заигрываться в борьбу, чтобы не превратиться в настоящего врага народа. Каас на бедре согласно молчал. Как и все студенты, моментально затихшие при моём появлении. Шумные столики выдавали встревоженных первокурсников, что с непосредственным любопытством пялились на меня.

Фиди стыдливо уткнулась в тарелку, оба Оуренских с преувеличенным интересом слушали бодрый лепет черноволосой красотки Ракель, внезапно ставшей центром их внимания. Только Лоним едва заметно кивнул мне, чем заслужил лёгкий пинок от Сирены. Обиженно сморщенный носик новоявленного мага Вейна обещал моему другу самый что ни на есть уничтожительный шторм.

Я неспешно прошла вдоль ряда круглых столиков и устроилась в стороне, на свободном месте, рядом с тремя студентами с тиалями Ревда. Лёгкая надежда на то, что сокурсники будут более благосклонны к мейлори их магистра, угасла почти мгновенно, когда рыжий Бэзил брезгливо отодвинул тарелку, встал и вышел. Двое других магов склонности земли последовали его примеру.

Пришлось приложить усилия, чтобы следующий вздох не выглядел разочарованным. Я сидела в одиночестве у самой стены, но волосы на спине вставали дыбом под десятками чужих взглядов. Медовая гречневая каша, щедро сдобренная творогом и яблоками, не лезла в горло. Ела я быстро: набирала побольше еды в ложку и глотала, почти не разжёвывая, а стакан айвового сока и вовсе выпила залпом.

Спешно справившись с завтраком, я покинула столовую под такое же надменное молчание.

Что ж, всё прошло не так уж и плохо.

За взволнованной суетой в огромной гостиной Кроуницкой академии меня почти не заметили. Если не считать громогласного цоканья и закатывания глаз со стороны отдельных личностей.

Я вполне успешно убедила саму себя, что они предназначались не мне.

Длинные лестницы вдоль стен искушали вернуться в комнату, но я решила не прятаться. Таинственный господин Демиург писал, что я сама смогу выбирать свою роль. Понять бы ещё, как это сделать. Да и какая из ролей мне сейчас нужна, я тоже не знала... Но зато благодаря ментору я точно знала, что роль запуганной жертвы мне категорически не подходит.

Вдохновляясь недавним опытом, я прошла к дальней лавке и примостилась на одной из широких зелёных подушек, придав себе непринуждённый вид. На доску объявлений над камином я нарочно решила не смотреть, лишь убедилась, что портретов трёх королевских убийц там больше не было. Полюбившаяся уже фреска с крылатым львом теперь была у меня за спиной, но зато открывался чудесный вид на всё пространство гостиной. Зрелище оказалось довольно скучным: сонные студенты ютились в нишах с гобеленами мелкими группами, ряды каменных лавок почти пустовали, даже свиров видно не было. Зато на противоположном конце каменного зала показалась Вилли.

Рудвик важно чеканила шаг мохнатыми лапами, вытягивалась в струнку следом за острым кончиком мятой шляпы и торжественно пыхтела. Перед собой она бережно несла самое драгоценное сокровище — стопку пергаментов для первокурсников. Последние же растерянно озирались, столпившись у высокого камина, и не проявляли должного уважения к важной церемонии маленького магистра. Даже посмеивались.

— Смотрите, — воскликнул щуплый блондин в новёхонькой форме, указывая на Вилли, — ушастому магу швабры взаправду доверили документы!

Новоявленные студенты, происходившие преимущественно из знатных и аристократических семей, захохотали. А я нахмурилась. В прошлом году ни один из нас не позволял себе подобных замечаний. Даже Сирена отпускала свои шуточки вполголоса.

Захотелось немедленно заступиться за сжавшуюся в комок Вилли, но я сама себя одёрнула. Простой анализ ситуации подсказал, что конфликт с первокурсниками почти наверняка будет иметь неприятные последствия. Лишнее внимание мне сейчас было ни к чему, поэтому я лишь подалась вперёд, сцепив руки

в замок. Поискала глазами магистра Айро, который мог бы утихомирить наглецов, но так и не нашла. Зато его роль прекрасно выполнила Биатрисс Калькут. Она гаркнула на новичков так, что даже крылатый лев поджал бы хвост. От громкого окрика магистра факультета исцеления первокурсники округлили глаза и втянули головы в плечи. Я немного расслабилась и хмыкнула. Да, детки. Вам ещё предстоит к этому привыкнуть.

Магистр Калькут поджала подбородок и строго оглядела притихшую группу. Убедившись в дисциплине, женщина вернулась к беседе с Дамной лин де Торн. Приободрённая рудвик уже чуть менее торжественно взобралась на приступку у доски объявлений и принялась прикреплять пергаменты с фамилиями преподавателей и расписанием.

Я почти развалилась на лавочке, вытянув руки вдоль каменной спинки, закинула одну ногу на колено и даже почти насладились уединением, когда из столовой вышла Сирена.

Соломенные локоны серебристая лилия сегодня подняла наверх, чтобы подчеркнуть блеск своего знака соединения и изяшных подрагивающих серёжек в цвет вихря в её сверкающем топазами тиале. Даже обычная форма Кроуницкой академии выглядела на леди Эстель особенно утончённо — из-под идеально ровных складок зелёной клетчатой юбки виднелись стройные ножки в мягких чулках и блестящих туфлях, тесёмки сорочки были завязаны аккуратными бантиками, золотистый ряд пуговиц жилета перекликался с вышитым сбоку крылатым львом.

Я машинально подцепила пальцем пустую петельку на моём собственном жилете. Верхнюю пуговицу я потеряла, когда карабкалась по грубой стене одного из жилых домов Кроуница на Лазаревой улице. В бедном квартале многие дома выдолблены прямо в скалах. Помню, как сильно ободрала тогда ладони и колени. Моя кожа зажила со временем, а вот пуговица на место сама собой, конечно же, вернуться не могла.

— ...такая благочестивая женщина, очень высоких моральных принципов! — донёсся до меня обрывок фразы Калькут, адресованный Дамне лин де Торн и её мейлори.

Только сейчас я заметила вздёрнутый носик и сжатые губы леди Эстель. Должно быть, первокурсники, да и остальные студенты сочли бы такую мимику за аристократическую надмен-

ность дочери нутолинисского купца. Но я видела за маской высокомерия страх. Слишком хорошо я знала бывшую подругу, чтобы понять по её прямой спине и задранному подбородку, что Сирена переживает и напугана. Я тихонько перебралась на соседнюю лавочку, поближе к интересующей меня беседе.

— Вам не о чем переживать, госпожа лин де Торн, — успокаивала Биатрисс Калькут. — Новый магистр факультета Вейна — настоящая находка для академии. Религиозна, скромна и совестлива. Она будет отличным примером для студентов своей склонности. Я имела честь пообщаться с ней и оценить глубокую добродетель. Поистине, наш Гремор Айро получил достойную смену!

Сирена заметила меня, и я зевнула в ответ на её взгляд, лениво поигрывая своим заполненным песком тиалем. Так-так-так. Кажется, у Сирены будет другой учитель. В прошлом году она хотела избежать нравоучений Калькут, но, судя по рассказам учительницы, новый магистр факультета Вейна здорово напоминает строгую и чопорную фанатичку. Я представила дёргающийся подбородок над синим тиалем Вейна и улыбнулась уголком губ. Студентка Эстель сморщила носик и брезгливо отвернулась.

Конечно, подруга приняла мой жест за злорадство, но на самом деле я сочувствовала ей. Категоричность магистра Калькут всегда вносила свои коррективы в занятия по религии, отчего одним богам доставались внимание и почтение, а другим — только короткие сухие комментарии. По-моему, такой подход вредил учёбе. И если Сирене предстоит провести ближайшие годы с кем-то подобным, то ей явно не повезло.

Хотя, если рассудить, вечно спящий Гремор Айро вряд ли мог действительно чему-то научить магов своей склонности. Может, новая преподавательница окажется более заинтересованной в успехах студентов? Ведь занятия на факультете Вейна могут быть очень интересными. В прошлом году подопечные магистра Айро занимались в основном картографией и получением воды из воздуха, не выходя из аудиторий. Но маги склонности Вейна любили свободу и простор. Они могли бы спускаться к морю, учиться управлять волной или даже ходить под парусами недалеко от Кроуница.

Пока я размышляла, ментор и мейлори серебристой лилии слаженно простучали каблучками мимо меня, направляясь к выходу. Естественно, ни одна из них не удостоила меня ни словом, ни взглядом. Зато другие обитатели академии пялились вовсю, чуть ли не тыкая в меня пальцами.

— Отвалите уже, — пробубнила я себе под нос, закрываясь широкой подушкой.

Надеюсь, хоть кто-то из окружающей публики умел читать по губам. Вышитая на чехле подушки львиная пасть висела перед моим носом до тех пор, пока шум и гомон гостиной не начали утихать.

«Скорее бы увидеть Джера», — подумала я, поднимаясь и разминая затёкшие ноги. Оказывается, не привлекать внимания — задача ещё более трудная, чем удерживаться в самом его центре.

В Церемониальном зале собрались уже почти все, кроме магистров и первокурсников. Даже здесь любимые дети Квертинда замолкли при моём появлении. Раньше, когда они кричали «Юна!», их было не заткнуть, а теперь вестником моего появления было презрительное молчание. Кажется, я уже начала привыкать. Вспомнился Шенгу лин де Сторн с его словами о том, что толпа отвернётся от меня точно так же, как и вознесла.

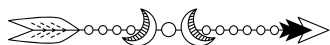
Задерживаться у входа я не стала, быстро обогнула самый точный детерминант и подошла к своему факультету.

Зелёный сектор был одним из самых многолюдных. В первом ряду на низкой лавке сидели Артур и несколько старшекурсников. При моём приближении Оуренский положил ладонь на свободное место, недвусмысленно намекая, что не хочет меня там видеть. Я фыркнула. Подумаешь! Да я и не собиралась устраниваться на видном месте.

Поднявшись к следующему ряду, я наткнулась на грозные взгляды будущих магов Ревда. Да чтоб вас всех икша сожрали!

Ещё выше сидел Родрик Трейсли, рядом с которым я сама никогда бы не села. Пришлось ускорить шаг, пролетая мимо всех рядов к самому потолку — туда, где одиноко сидел Амурный хлюпик Нед Комдор.

Я зло плюхнулась на последнюю лавку, подальше от Неда, кидая на него недовольные взгляды. Он тоже смотрел недобро: мое общество его взаимно не радовало. Однако он промолчал. Вместо слов хлюпик отвернулся к сплошной полосе окон, запрокинул голову и приложил к губам солдатскую фляжку.

— Сорокина дочь, — прошипел снизу Бэзил Окумент, не оборачиваясь. — Дочь убийцы!

Рыжий затылок любителя кличек так и манил каблук моего сапога. Я сжала кулаки и зубы, посчитала четыре вдоха. Должно быть, Бэзил получал извращённое удовольствие от издевательств, потому что он не заткнулся, а продолжил повторять мерзкое обзывательство. Как и следовало ожидать, до этого молчавшая толпа студентов быстро подхватила прозвище, и оно полетело в меня теперь уже со всех сторон.

— Заткнитесь! — прикрикнула я, обиженно складывая руки на груди.

Нельзя было поддаваться на провокации, поэтому я лишь молча нахмурила брови. Просто сидела, тихо и молча глотая каждое из адресованных мне слов, как кислые ягоды с придорожного куста — вместе с пылью и грязью. В какой-то момент меня даже слегка замутило.

Среди разноцветных рядов я заметила держащихся за руки Фиди и Куджи. Оба смотрели с испуганным сочувствием. Я раздражённо отвернулась к синему сектору.

Сирена сидела в компании двух девушек с тиалями Вейна и что-то увлечённо им рассказывала, хихикая. От нахлынувшей зависти мне немедленно захотелось пристрелить обеих. Поддержка Сирены сейчас мне была нужна как никогда. Мне, а не этим двум ничтожным русалкам. Но серебристая лилия как будто не слышала, как в меня со всех сторон летели оскорбления.

В соседнем, оранжевом секторе Лоним молча потирал затылок, уставившись перед собой. Виттор так же молча рассматривал собственные ногти.

Тоже мне, друзья.

К крикам добавились гомон, мерзкий хохот и даже звучные отрывки. Студенты затопали ногами и забили кулаками по лавкам.

Нед рядом закашлялся, снова прикладываясь к своему пойлу.

— Заткнитесь немедленно! — не выдержав, я вскочила, готовая сразиться со всеми сразу.

В меня прилетел мягкий комочек пергамента, и я раздражённо пнула его сапогом обратно в толпу.

Не знаю, смогла бы я сдержаться и не кинуться в драку, но, на моё счастье, в Церемониальный зал вошла ректор Аддисад в сопровождении двух стязателей и работницы консульства. Той самой женщины, что была здесь в прошлом году. Я даже удивилась тому, что вспомнила её фамилию — Бранди. Секретарь Бранди.

Я осторожно опустила обратно. Лёгкое отвращение кольнуло затылок мелкими иглами. Бордовая мантия и консульские весы напоминали мне о неприятных событиях и несправедливости всей системы власти в Квертинде. Я исподлобья оглядела возбуждённых студентов, которые яростно перешёптывались и негромко отстукивали ритм недавнего скандирования.

Надалия Аддисад встала за трибуну и попросила тишины. Толпа на удивление быстро покорилась. Стало так тихо, что нарушали эту тишину только треск пламени десятков свечей в старинной нефритовой люстре и мелкая возня секретаря Бранди за столом. Я вздрогнула и чуть не вскочила снова, заметив рядом Неда. Я отшатнулась было, но тут он протянул мне свою фляжку в мятом холщовом чехле.

— Сорокиной дочери от Амурного хлюпика, — невесело прошептал Нед.

Я хмыкнула, взяла фляжку и отвернулась к окнам.

Свет ударил по глазам, слезя и мешая видеть, но всё же я сумела различить тонкие башни святилищ и туманные пики гор. Вспомнилось беззаботное лето, прогулки по Кроуницу и тренировки с Джером. Мысли о менторе успокоили меня и даже почти обрадовали. Захотелось немедленно увидеть его, прикоснуться, услышать его голос, почувствовать запах. В нём было моё спасение — от злобы и тьмы, что разлились в душе после убийства Кааса, от колючего презрения студентов, от собственных гнетущих мыслей. От всего того кошмара, в который превратилась моя жизнь. Посомневавшись минуту, я всё же решила пригубить напиток.

Пойло оказалось очень жёстким, спиртовым, с терпким горьким ароматом, отдающим к тому же лекарствами.

— Что это за гадость? — захрипела я, возвращая Неду фляжку.

— Полынный шторм. — Нед тоже глотнул, даже не скривившись.

Глаза его уже подёрнула пелена дурмана, и пахло от Неда почти так же сильно, как от фляжки. К счастью, на нас никто не обращал внимания.

— Будешь ещё? — переспросил он, протягивая мне обратно своё пойло.

Опьянеть я скорее боялась, но всё же решила, что хочу хотя бы со второго глотка распробовать национальный напиток Кроуница, поэтому неохотно приняла из его рук вонючий сосуд. К тому же не мешало немного расслабиться и прогнать лишние мысли. По примеру Неда я снова отвернулась и зажмурилась от льющегося сквозь окна света.

— Магистры, — прозвучало где-то внизу, — прошу вас встать перед вашими факультетами.

Ну, наконец-то. Я обрадовалась, услышав шорох мантий и стук сапог, но решила, что успею сделать ещё глоток, прежде чем обращаться к церемонии. Быстро запрокинув голову, я развернулась, и крепкое пойло застряло в горле вместе со сдавленным воплем. Я с силой протолкнула пойло в желудок, но громко закашлялась от шока, чем привлекла внимание всех, в том числе своего ментора.

Джер, кинувший на меня строгий взгляд, вёл под руку нового магистра факультета Вейна.

Невесомое синее платье струилось вдоль роскошной фигуры женщины, удачно облекая соблазнительные изгибы. Имя нового магистра жгло мою глотку не хуже полыньего шторма. В этом имени сосредоточились все добродетели мира и благочестие самой Девейны.

Элигия Велилльер.

Трибуны разразились одобрителем мужским гомоном, а я опять вскочила со своего места и едва не закричала от гнева и недоумения. Да как она смеет трогать руками Джера?! Как он смеет подавать ей локоть?!

Я ощутила на языке горький вкус предательства. Нет, этого просто не могло быть. Это какая-то ошибка, жестокая насмешка... При нашей последней встрече я сказала Элигии, что ей не

представится шанса пообщаться с Джером. А теперь её блестящие коготки так и порхали по плечам моего ментора, которого в прошлом году она хотела убить.

Магистры заняли свои места, а я выхватила фляжку прямо у пьющего Неда. Зелёная пена полилась по его подбородку. Амурный хлюпик рыкнул на меня, но отбирать польный шторм не стал. Я отвернулась и сделала три жадных глотка, не чувствуя вкуса. В голове приятно помутнело.

Эта женщина просто какое-то наваждение! Почему всегда, когда мои дела идут плохо, появляется она, как символ и обещание ещё больших осложнений? Ехидная, коварная, мерзкая дрянь! Иначе назвать её язык не поворачивался. Он вообще стал как-то плохо ворочаться.

В распахнутых воротах показались два знакомых штандарта, и в подрагивающую, торжественную тишину Церемониального зала вошли первокурсники. Слаженное «Ах!» разнеслось над сводами, когда будущие маги увидели самый точный в мире детерминант Шарля, сверкающий прозрачными стенками под ветвистой люстрой. Я возмущённо заёрзала.

Ректор начала приветственную речь, я же смотрела только на затылок Джера. Мне хотелось потребовать от него объяснений, выяснить, как вышло так, что эта дамочка из Ордена Крона оказалась магистром моей академии. И почему он позволил ей себя трогать?

Надалия Аддисад рассказывала о пустых сосудах, о любимых детях Квертинда, о новых временах и сменяющихся эпохах. О важности традиций и верности самим себе. Все те слова, которые так впечатлили меня в прошлом году, сейчас казались ненужной болтовнёй, пустыми обещаниями. Могла ли наивная овечка Юна Горст, что стояла в прошлом году у этих же ворот, знать, кем она станет через год? Да она бы посмелась в лицо не только опасности, но и любому, кто посмел бы сказать, что она совершит убийство и предательство. Или любому, кто рискнул бы заявить, что Юна Горст способна на ревность. Горячую, мучительную, острую ревность. О да, я ревновала!

— Нед, — прорычала я, — у тебя осталось ещё что-то во фляжке?

— Забористая хрень, — рыгнул в ответ Нед, протягивая мне сосуд с остатками зелёной пены.

Первокурсники уже начали по одному подходить к детерминанту, и воздух то и дело окрашивался в цвета склонностей. Ровно год назад я плясала вокруг нефритовых львов и ненавидела того, кто назвал меня истеричной пустышкой. Сейчас я сидела за его спиной и каждой клеточкой своей души мечтала единолично владеть его вниманием. От злости и возмущения я резко перевернула фляжку, вылила остатки полыньего шторма в горло, даже не отворачиваясь, и попыталась сосредоточиться на церемонии, вытирая рот рукавом.

Высокая девочка с острым подбородком вздрогнула у детерминанта, когда тот явил ей зелёную молнию. Первокурсница испуганно посмотрела на Джера, прижимая к груди фамильный пергамент. Не истинный, судя по отсутствию свечения.

«Даже не смей думать о нём!» — хотелось мне крикнуть во всеуслышание, но я только тихо икнула. В прошлом году Джермонд Десент точно не пользовался таким интересом у женщин. Или я просто не обращала внимания?

Хмель разогнал кровь, забился в висках боевым маршем. Сталь Кааса захрипела, возглавляя этот яростный ритм моего собственного сердца. Он не просто стучал в груди, он грохотал сигнальным барабаном, требуя решительных действий.

Сквозь алую молнию детерминанта, которая прильнула к ладони очередного парня, я увидела скучающую Элигию. Возможно, при других обстоятельствах меня заинтересовал бы неудачливый студент, одарённый бесполезной в современном Квертинде изначальной склонностью. Но сейчас меня больше интересовало другое.

Я ничего не смыслила в играх страсти и женских уловках. В этом Элигия Велилльер меня превосходила, как и в дамской прелести. Сейчас она почти незаметно пробежала глазами именно по моему факультету, раз за разом задерживаясь на магистре.

Моё благоразумие висело на тоненьком волоске, рискующем разорваться, если я и дальше буду наблюдать за бывшей мейлори моей предательницы-матери. Поэтому я перевела взгляд на группу уже определившихся первокурсников, стоящих за спиной Надалии Аддисад. Как назло, самой заметной среди них

была та тощая и длинная девчонка, что явила сильную склонность Ревда. И она тоже с испугом и благоговением пялилась на Джера! Моего Джера!

Знаете что, дамочки? Меня зовут Юна Горст, и я не собираюсь молча терпеть и смотреть, как вы все пожираете глазами моего ментора!

Как можно осторожнее, чтобы не привлекать внимания, я спустилась вдоль зелёного ряда лавочек и неуклюже плюхнулась рядом с Артуром. Тот с отвращением отшатнулся. Но зато теперь Джер был прямо передо мной.

Я боязливо дотронулась до кольца ментора и погладила его палец, спускаясь к кончику. Джер слегка повернул голову, но даже не взглянул на меня. Зато Элигия заметила мой жест и пришла в замешательство. А я улыбнулась ей в ответ как можно наглее.

— Юна, перестань, — процедил Джер.

Откуда он узнал, что это я? Он ведь даже меня не видел. Хотя не Артур же. И не этот... как его там... не важно. Имена старшекурсников путались в голове, а может, я никогда их и не знала. Собственная решимость и неожиданная уверенность ободрили меня.

— Джер, — позвала я. — А если сейчас появится ещё одна первокурсница без склонности, ты обзовёшь её пустышкой?

— Помолчи, — тихо попросил Джер.

— Может, сделаешь её своей второй мейлори? — пошутила я. — У тебя на шее ещё много места.

Я хихикнула. По-моему, вышло очень смешно. Кажется, даже ректор Аддисад оценила, заинтересованно высматривая меня за фигурой ментора. Я икнула и приветливо ей помахала. У меня прекрасный ректор! Боги, да как я ещё совсем недавно могла жаловаться на жизнь?!

— Юна, — раздражённо бросил Джер, — успокойся.

— Я спокойна, — мгновенно отозвалась я. — Когда ты рядом, мне спокойнее.

Вдруг я ощутила такую нежность, такую острую необходимость обнять Джера, что совершенно невозможно было сдерживаться. К тому же голова кружилась, и мне очень хотелось приложить её к какой-нибудь опоре. Я крепко обхватила локоть

ментора и прижалась щекой. Джер стряхнул меня, как надоедливую колючку репейника, и отошёл. Элигия растянула губы в улыбке, глаза на слабенькую склонность исцеления какого-то первокурсника в детерминанте. Я не сомневалась, что эта улыбка предназначалась мне.

От пренебрежения друзей и даже Джера стало обидно и захотелось расплакаться. Повыгть белугой, растирая слёзы по щекам. Тем более что глаза уже затянуло какой-то мутной пеленой. Но Юна Горст никогда не плачет, поэтому я лишь хлопнула носом.

Интересно, Джер ревновал меня когда-нибудь? Хотя у него не было повода. Не к Амурному же хлюпику меня ревновать, в самом деле! Я его даже в танце уложила на обе лопатки!

— Артур, — я подвинулась ближе к Оуренскому, который почти свисал с другой стороны лавки. — Помнишь, как ты учил меня стрелять из лука? И как мы кромсали мишени в бестиатриуме? Было круто, ведь правда? Может, стоит повторить?

— Мы на церемонии определения, — прорычал в ответ Артур. — Юна, что ты творишь?

— Ну и ладно, — обиделась я. — Твой брат мне всегда нравился больше. В нём есть авантюризм и азарт!

Я попыталась вернуть остроту своему зрению и сфокусироваться на соседней трибуне. Весьма преуспела в этом, потому что двое огненных магов — Виттор и Лоним — смотрели на меня неотрывно. От обожания, не иначе. А перед ними...

— Магистр Фаренсис! — выкрикнула я слишком громко, отчего даже консул Бранди перестала чиркать пером по фамильному пергаменту.

Кажется, на меня теперь смотрели все. Или почти все. Я глянула на Сирену. Та притихла, выпучив на меня круглые глаза. Лоним поймал мой взгляд и отрицательно покачал головой, отговаривая от затеи, которую я ещё даже не успела придумать. Кэймон лин де Фаренсис приложил палец к губам, призывая к тишине.

— Тишшшш, — я скопировала его жест, охотно соглашаясь с необходимостью спокойствия. Даже зажала рот обеими руками, доказывая свою преданность дисциплине и правилам академии. И тихо-тихо, как крадущаяся тёмной ночью мышка,